

Роберт Шекли

ОХОТНИК III

Десятая жертва

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Она могла бы погубить любого мужчину. Кэрролайн Мередит, тонкая, гибкая молодая женщина, задумчиво сидела за высокой стойкой бара из красного дерева, изящно переплетя стройные ноги и склонив узкое, словно выточенное из слоновой кости лицо к загадочным глубинам мартини. Похожая на статуэтку, но волнующе живая, одетая в прекрасные шелка и с пелериной из черного как смоль соболя, небрежно наброшенной на роскошные плечи, она олицетворяла все то, что манило и влекло в этом непостижимом городе Нью-Йорке.

По крайней мере так думал приезжий. Он стоял на улице в десяти футах от огромного окна бара, за стойкой которого прекрасная Кэрролайн изучала глубины своего бокала. Это был китаец - продавец ласточкиных гнезд <Китайское национальное блюдо.> из Квейпина. Он был одет в белый костюм из плотной ткани, чесучовый галстук и парчовые туфли. На шее висел большой фотоаппарат "Броника".

Азиат с подчеркнутой небрежностью поднял камеру и сфотографировал сточную канаву слева и какой-то котлован справа. Затем направил объектив на Кэрролайн.

Потом он проделал с камерой какие-то манипуляции, внутри нее что-то зажужжало, загудело, и сбоку открылась створка.

Загадочный житель Небесной империи с ловкостью фокусника вставил в отверстие пять патронов с разрывными пулями и закрыл его. Теперь камера перестала быть только фотоаппаратом; она превратилась не то в стреляющую камеру, не то в фотографирующее оружие и могла выполнять две не связанные друг с другом функции.

Вооружившись таким образом, желтый охотник быстрыми, легкими шагами направился к цели. Он казался совершенно спокойным, только слегка затруненное дыхание могло выдать его волнение.

Прелестная Кэролайн продолжала сидеть в той же позе. Она крутила в руках бокал; внутри него не было прорицательницы, способной предсказать ей будущее, - на дне лежало крохотное зеркальце. Глядя в него, Кэролайн с интересом следила за действиями убийцы из Квантуна.

Развязка наступила скоро. Китаец прицелился - и Кэролайн, продемонстрировав молниеносную реакцию, швырнула бокал в окно за секунду до выстрела.

- Вот те на! - только и смог вымолвить ошеломленный китаец; хоть он и родился на левом берегу Хуанхэ - опыта набрался в "Хэрродс".

Кэролайн не произнесла ни слова. В фуге над ее головой в оконном стекле красовалось маленькое отверстие, от которого лучами расходились трещины. Не дожидаясь, когда китаец опомнится, Кэролайн соскользнула с высокого табурета и стремяглав, словно летучая мышь из ада, бросилась к черному ходу.

Бармен, следивший за происходившим, восхищенно покачал головой. Футбольный болельщик, он тем не менее обожал хорошую Охоту.

- Молодец, малышка! - воскликнул он вдогонку убежавшей Кэролайн.

Тут в бар ворвался продавец ласточкиных гнезд и бросился к черному ходу вслед за прекрасной беглянкой.

- Добро пожаловать в Америку! - успел крикнуть ему бармен. - И счастливой Охоты!

- Спасибо, я очень благодарный, - вежливо отозвался на бегу преследователь.

- Вот этого у них не отнимешь, у этих китаез, - заметил бармен, обращаясь к посетителю, сидевшему за стойкой. - Это у них есть - воспитание.

- Еще двойной мартини, - ответил посетитель. - Только не кладите лимон в бокал, положите рядом. Терпеть не могу, когда в коктейле болтается здоровый кусок лимона, как в "Пунше плантатора" или каком-нибудь другом гадком пойле.

- Конечно, сэр. Прошу прощения, сэр, - с готовностью произнес бармен.

Он тщательно смешал коктейль, но не мог выбросить из головы восточного охотника и его американскую жертву. Кто кого одолеет? И чем, интересно, это кончится?

Посетитель, казалось, читал его мысли.

- Предлагаю ставку - три к одному, - сказал он.

- На кого?

- Цыпочка ухлопает китаезу.

Бармен заколебался, затем улыбнулся, покачал головой и подал готовый коктейль.

- Пять к одному, - ответил он. - Сдается мне, малышка знает толк в Охоте.

- Заметано, - согласился мужчина - он тоже считал себя знатоком - и выдавил каплю лимонного сока в бокал с мартини.

Стремительно перебирая ногами, зажав под мышкой пелерину из соболя, Кэролайн мчалась мимо кричащих витрин Лексингтон-авеню. На углу 69-й улицы и Парк-авеню ей пришлось продираться сквозь толпу, собиравшуюся поглазеть, как сажают на огромный гранитный кол преступника, уличенного в попытке выбросить мусор. Никто даже внимания не обратил на бегущую Кэролайн; зеваки глаз не сводили с гнусного нарушителя, деревенщины из Хобокена, у ног которого валялась предательская улика - обертка "Херши", - а руки были перемазаны шоколадом. С каменными лицами они слушали стенания и жалкие мольбы. Когда два палача подняли его за руки, чтобы посадить на Кол Злодеев, лицо преступника стало серым.

Публичные казни были недавним нововведением; последнее время их горячо обсуждала общественность, не проявляя такого же интереса к смертельным играм охотников и жертв. ...Светлые волосы Кэролайн развевались на бегу, словно яркий сигнальный флаг. Позади, футах в пятидесяти, задыхаясь, мчался вспотевший китаец, сжимая в безволосых руках свою стреляющую камеру. Казалось, он бежал не особенно быстро, но понемногу, дюйм за дюймом, с терпением, свойственным детям Востока, настигал девушку.

Стрелять он пока не решался. Открывать огонь на людной улице было чревато последствиями: задел прохожего, неважно, что случайно, - штраф в крупном размере, не говоря уже о позоре...

Поэтому китаец не стрелял и на бегу крепко прижимал к груди свой аппарат, способный благодаря извращенной изобретательности человека одновременно создавать копию и уничтожать оригинал. Внимательный прохожий наверняка заметил бы дрожь в руках охотника, обратил бы внимание на неестественно напряженные шейные мышцы. Но этого следовало ожидать - в послужном списке китаец Джона значились всего две Охоты, он был новичком в этом деле.

Кэролайн выскочила на угол Мэдисон-авеню и 69-й улицы, быстро оглянулась и побежала мимо "Пугливого цыпленка" ("Обслуживаем пятьдесят человек, цены договорные"), но вдруг остановилась, тяжело, но так пленительно дыша. Заметив за "Пугливым цыпленком" открытую дверь, она взбежала по лестнице на второй этаж и оказалась на лестничной площадке, на которой толпились люди. Надпись на стене гласила: "Галерея Амели. Objets de pop-op revisit" <Посетите еще раз - выставка нестареющего поп-арта (фр.)>. Кэролайн сразу поняла, куда она попала - ей всегда хотелось побывать здесь, хотя и при несколько иных обстоятельствах...

Однако "убивают, где получится, а умирают, где приходится", - гласит старинная поговорка. Поэтому, не оглядываясь, Кэролайн пробралась ко входу, не обращая внимания на протесты любителей искусства, и показала контролеру свою карточку. Тот взглянул на карточку - такие выдавались каждой жертве и каждому охотнику и давали им право повсюду беспрепятственно входить и выходить, если они предпринимали законные меры по спасению своих жизней или уничтожению чужих, - и кивнул. Схватив карточку, девушка вбежала в зал.

Здесь Кэролайн пришлось перейти на шаг, она взяла каталог и попыталась отдышаться. Потом надела очки, накинула на плечи пелерину и пошла по залам галереи.

Ее дымчатые очки - модель-новинка "Смотри кругом" - позволяли видеть происходящее на 360 градусов, кроме небольших слепых пятен на 42 и 83 градусах, а также зоны искажения прямо перед собой от 350 до 10 градусов. Несмотря на то что очки были неудобны и от них сильно болела голова, польза от этого изобретения была несомненной, поскольку Кэролайн сразу заметила своего охотника футах в тридцати сзади.

Да, это был он, "азиатская чума", в белом костюме, потемневшем от пота под мышками, с чесучовым галстуком, сбившимся на сторону. Его смертоносная камера была прижата к груди; он двигался вперед походкой хищного зверя, прищурился и без того узкие глаза и нахмурился высокий лоб.

Кэролайн шла по залу с небрежным спокойствием, пытаясь не привлекать к себе внимания. Но китаец Джон заметил ее и направился прямо к кучке людей, за которой спряталась Кэролайн. Его губы были крепко сжаты, а глаза сузились еще больше, так, что, казалось, вообще исчезли с лица.

Подойдя поближе, китаец обнаружил, что Кэролайн скрылась, ускользнула от него... Ах вот как! Уголки рта преследователя искривились в улыбке. В конце зала была дверь. Долгое логическое

мышление Запада, как правило, несвойственно детям Востока: только глянув на дверь, китаец понял, куда скрылась его жертва. Он кошкой проскользнул в конец помещения, решительно распахнул дверь и оказался в зале восковых фигур.

Фигуры, похоже, были сделаны из настоящего воска - материала, которым пользовались художники в далеком прошлом. Китаец, широко открыв глаза, уставился на них. Все фигуры изображали женщин, очень привлекательных (на западный вкус) и почти раздетых (на любой вкус). Они, по-видимому, демонстрировали различные па какого-то танца. "Стриптиз" - было написано на плакате. "Обманчивая метаморфоза. 1945 - "Век невинности"; 1965 - "Моль и ржавчина"; 1980 - "Возрождение основ"; 1980 - "Непринужденное пренебрежение формальностями".

Китаец обескураженно вглядывался в неподвижные фигуры, и рассудок, привычный к красоте лаковых лесов, к застывшему покою бутафорских рек и стилизованных аистов, не мог постичь смысла открывшейся взору картины.

У ног третьей слева фигуры, лицо которой было наполовину скрыто длинной белокурой прядью, лежала... черная соболья пелерина.

Житель Поднебесной больше не колебался. Он поднял камеру, прицелился - и нажал на спуск. Три пули поразили красавицу в верхнюю часть живота - отличная работа, что ни говори.

Итак, Охота закончена, он победил, жертва мертва, он... И вдруг одна из восковых фигур в дальнем конце зала ожила. Это была Кэролайн. На ней был странный металлический бюстгальтер, похожий на тот, что носила Вильма, легендарная жена Бака Роджерса, с той лишь разницей, что у Кэролайн эта часть гардероба оказалась более практичной. Не успел пораженный охотник опомниться, как из каждой чашечки одновременно вылетело по пуле. Китаец еще успел пробормотать: "Так-так... Теперь, кажется, все..." - и рухнул на пол, бездыханный, словно вчерашняя скумбрия в рыбной лавке.

Свидетелями происшедшего оказались несколько посетителей. Один из них заметил:

- По-моему, это вульгарное убийство.

- Ничуть, - ответил тот, к кому обратились. - Я считаю, что это классическое убийство, - уж простите мне этот архаизм.

- Ловкая работа, но неизящная, - настаивал первый. - Впрочем, можно назвать ее *fin de siècle* <Конец света (фр.)>, а?

- Конечно, - отозвался второй, - если имеешь вкус к дешевым аналогиям.

Первый наблюдатель хмыкнул, отвернулся и принялся разглядывать ретроспективную выставку изделий НАСА.

Кэролайн подняла соболью пелерину (в которой несколько женщин из числа зрителей узнали, впрочем, мех ондатры), по очереди дунула в стволы однозарядных пистолетов, скрытых в бюстгальтере, привела в порядок одежду, накинула пелерину на плечи и сошла с подставки.

Большинство посетителей не обратили внимания на происшедшее; это были главным образом подлинные ценители искусства, не любившие, когда процесс эстетического созерцания нарушался мелкими досадными инцидентами.

Прибывший полицейский не спеша подошел к Кэролайн и спросил:

- Охотник или жертва?

- Жертва, - ответила она и подала ему свою карточку.

Полицейский кивнул, наклонился над трупом китайца, достал его бумажник, извлек оттуда карточку и перечеркнул ее крест-накрест. На карточке Кэролайн полицейский сделал звездообразную просечку под рядом таких же и вернул ее.

- Участвовали в девяти Охотах, верно, мисс? - произнес он почтительно.

- Совершенно верно, - сдержанно ответила Кэролайн.

- Ну что ж, у вас это здорово получается, да и сегодня вы убили его аккуратно и со знанием дела, - одобрил полицейский, - без лишней жестокости, как некоторые. Лично я люблю наблюдать, как работают настоящие профессионалы: убивают ли они, готовят ли пищу, чинят обувь или еще что-нибудь... А что делать с призовыми деньгами?

- Пусть министерство перечислит их на мой счет, - бросила Кэролайн.

- Я сообщу им, - пообещал полицейский. - Вы успешно провели девять Охот! Осталась всего одна, а?

Кэролайн кивнула. Вокруг нее постепенно собралась целая толпа, оттеснившая полицейского. Это были одни женщины: женщины-охотники встречались довольно редко, а потому привлекали внимание.

Послышались возгласы одобрения, и Кэролайн, вежливо улыбаясь, выслушивала их в течение нескольких минут. Наконец она почувствовала усталость - нормальному человеку трудно привыкнуть к эмоциональному напряжению Охоты.

- Очень вам благодарна, - сказала она, - но сейчас мне нужно отдохнуть. Господин полицейский, вас не затруднит прислать мне галстук охотника? Я сохраню его как сувенир.

- Слушаюсь и повинуюсь, - ответил полицейский.

Он помог Кэролайн пробраться сквозь восторженную толпу и проводил до ближайшего такси.

Пять минут спустя в зал вошел невысокий бородатый мужчина в вельветовом костюме и лакированных туфлях. Он посмотрел по сторонам, удивляясь пустоте залов: почему говорили, что на эту выставку трудно достать билеты? Ну да ладно. Мужчина начал осматривать экспонаты.

Разглядывая картины и скульптуры, он многозначительно кивал, якобы со знанием дела. Подойдя к труп китаяца, распостертому посреди зала в луже крови, мужчина остановился. Он долго и задумчиво смотрел на труп, потом заглянул в каталог, обнаружил, что там его нет, и пришел к заключению, что экспонат прибыл слишком поздно, а потому не попал в список. Он еще раз внимательно посмотрел, углубившись в размышления, и наконец высказал вслух свою точку зрения:

- Ничего, кроме структурных достоинств... Производит определенное впечатление, пожалуй, хотя излишне бьет на сентиментальность.

И проследовал в следующий зал.

Глава 2

Что может быть приятнее июньского дня? Мы можем ответить на этот вопрос. Намного приятнее середина октября в Риме, когда Венера входит в дом Марса, и туристы, подобно леммингам, завершили свою ежегодную миграцию, и большинство из них отправилось домой, в свои холодные туманные страны, где родились.

Впрочем, некоторые из этих искателей солнечного света и тепла остаются. Они приводят свои жалкие оправдания: спектакль, вечеринка, концерт, который не хотелось пропустить, свидание. Однако настоящая причина иная: у Рима есть особая атмосфера, наивная и несравнимая. В Риме можно стать главным действующим лицом в драме своей собственной жизни. Это, разумеется, не более чем иллюзия, однако северные города не могут похвастаться и этим.

Барон Эрик Зигфрид Рихтоффен ни о чем таком не думал. Его лицо выражало привычное раздражение. Германия вызывала у него неодобрение (отсутствие дисциплины), Франция - отвращение (грязь), а Италия одновременно и раздражала, и вызывала отвращение (отсутствие дисциплины, грязь, эгалитаризм, декадентство). Он приезжал в Италию каждый год; несмотря на неисправимые

недостатки, эта страна казалась ему наименее отталкивающей среди остальных. К тому же здесь ежегодно проводилась международная выставка лошадей на Пьяцца ди Сиенна.

Барон слыл блестящим наездником. Это его предки втоптывали в грязь крестьян коваными копытами своих боевых коней. В конюшне барона были слышны звуки фанфар, сопровождавших парад конных карабинеров в сверкающих мундирах на площади.

Барон был крайне раздражен, поскольку стоял в одних носках и ждал, когда кто-нибудь из грумов - когда эти парни нужны, их невозможно найти! - принесет ему сапоги. Проклятый грум отсутствовал уже восемнадцать минут тридцать две секунды, если верить часам на руке барона. Сколько нужно времени, чтобы навести глянец на пару сапог? В Германии, точнее, в замке Рихтоффенштейн, который барон считал последним осколком истинной Германии, пару сапог приводят в почти идеальное состояние в среднем за семь минут и четырнадцать секунд. Подобное промедление вызывает желание зарыдать, или впасть в ярость, или сорвать зло на ком-то, или сделать что-то еще...

- Энрико! - завопил барон так, что его можно было услышать на Марсовом поле. - Энрико, проклятье, где ты?

Глас вопиющего в пустыне... На площади щеголеватый пижон-мексиканец кланяется судьям. Наступает очередь барона... Но у него нет сапог, черт побери, нет сапог!

- Энрико, мерзавец, немедленно иди сюда или этим вечером прольется кровь! - снова загредел барон.

Выкрикнуть такую длинную фразу единым духом нелегко, и он едва перевел дыхание. Ожидая отклика, барон прислушался.

А где же таинственный Энрико? Под трибунами наводит окончательный блеск на пару сапог для верховой езды, сапог настолько великолепных, что они не могут не вызывать зависти у любого всадника. Энрико был худым и морщинистым стариком, уроженцем Эмилии, привезенным в Рим по требованию общественности. Все единодушно признавали, что никто не может сравниться с ним в искусстве чистки сапог. Это относилось даже к тем знатокам, которые привносили принципы "дзэн-буддизма в Искусство Чистки и Полировки.

Энрико увлеченно трудился, сосредоточив внимание на сверкающих шпорах. Он наморщил от усердия лоб и осторожно покрывал блестящий металл серебристым веществом.

Он был не один. Рядом, наблюдая за его действиями с определенным интересом, находился человек, которого можно было принять за двойника Энрико. Оба мужчины были одеты совершенно одинаково, до

мельчайшей детали. Единственным различием было то, что второй Энрико был связан и во рту у него был кляп.

Снаружи донеслись восторженные крики толпы, приветствовавшей мастерство мексиканца. Перекрывая их, раздался вопль барона, вполне пригодный для полковых плацев:

- Энрико!

Энрико-1 поспешно встал, последний раз осмотрел сверкающие сапоги, похлопал Энрико-2 по лбу и быстро захромал под трибунами к своему хозяину.

- Ха! - выдохнул барон при виде слуги и сопроводил это восклицание потоком немецких слов, непонятных, но, без сомнения, обидных для скромного Энрико.

- Ну что ж, посмотрим, - наконец произнес барон, когда его гнев остыл.

Он осмотрел сапоги и увидел, что придраться не к чему. Тем не менее барон обмахнул их замшевой тряпкой, которую постоянно носил в кармане как полезную вещь, предназначенную для того, чтобы ставить самодовольных грумов на место.

- Немедленно надень на меня сапоги! - скомандовал барон и вытянул мощную тевтонскую ногу.

Надевание сапог, сопровождаемое проклятьями, наконец было завершено. И как раз вовремя, потому что мексиканский наездник - у него были напояжены волосы! - выезжал с поля под гром аплодисментов. В блестящих сапогах, с моноклем в глазу, держа под уздцы верного коня - знаменитого Карнивера III от Астры из Асперы, - барон шагнул вперед, чтобы предстать перед судьями.

Остановившись ровно в трех шагах от судейской ложи, барон вытянулся по стойке "смирно", склонил голову на четверть дюйма и молодежато щелкнул каблуками. Раздался громкий взрыв, и барона окутало облако серого дыма. Когда дым рассеялся, все увидели барона: он лежал лицом вниз перед трибунами, мертвый, как пикша, выловленная на прошлой неделе.

Поднялась паника, казалось, охватившая всех зрителей, кроме одного англичанина в твидовом костюме с пузырями на коленях, сделанными еще на фабрике, и грубых ботинках из шотландской кожи весом по два и три четверти фунта каждый, который громко крикнул: "Как лошадь? Не случилось ли чего с лошадей?"

После того как его заверили, что лошадь барона ничуть не пострадала, англичанин сел на место, недовольно бормоча, что не следует взрывать бомбы поблизости от лошадей и что в некоторых странах виновник такого безобразия тут же стал бы объектом внимания полиции.

Но и в этой стране злоумышленник немедленно привлек внимание полиции. Он вышел из конюшни и сбросил маску грума. Это был Энрико-1, он же Марчелло Поллетти, мужчина лет сорока, а может быть, тридцати девяти, с привлекательным меланхолическим лицом, грустной улыбкой, ростом чуть выше среднего. У него были высокие скулы, говорящие о глубоко скрытой страстности, сдержанная усмешка скептика и карие глаза с тяжелыми приспущенными веками - явная примета человека, любящего безделье. Его увидели несколько тысяч зрителей на трибунах и тут же оживленно принялись обмениваться впечатлениями по поводу случившегося.

Поллетти изящно поклонился приветствовавшей его толпе и предъявил лицензию на право Охоты ближайшему полицейскому. Тот проверил ее, сделал просечку, отдал честь и вернул Поллетти.

- Все в порядке, сэр. Разрешите мне первым поздравить вас с убийством, одновременно волнующим и эстетически безукоризненным.

- Вы очень любезны, - ответил Марчелло. Их окружила толпа репортеров, искателей острых ощущений и доброжелателей всех видов и сортов. Полиция отогнала всех, кроме журналистов, и Марчелло начал отвечать на вопросы со спокойным достоинством.

- Почему, - спросил французский репортер, - вы решили нанести взрывчатку на шпоры?

- Это было необходимо, - ответил Поллетти. - На нем был пуленепробиваемый жилет.

Журналист кивнул и записал в блокноте: "Щелканье каблуками, принятое у прусских офицеров, сегодня, по иронии судьбы, привело к гибели одного из аристократов. Смерть в результате исполнения символически высокомерного жеста - этот жест предполагает наличие исключительных достоинств, - несомненно, должна означать смерть экзистенциальную. Таким по крайней мере было мнение охотника Марела Поети..."

- Как вы думаете, насколько удачным будет исполнение вами роли жертвы в следующей Охоте? - спросил мексиканский репортер.

- Я, право, не знаю, - ответил Марчелло. - Но, несомненно, исход станет смертельным для одного из двух участников. Мексиканец улыбнулся и написал: "Мариелло Поленци убивает, не теряя спокойствия, и относится к грозящей ему самой гибели хладнокровно. В этом мы видим универсальное утверждение "мачизма", мужественности того сорта, когда жизнь постигается только через безусловное принятие смерти..."

- Вы считаете себя жестоким? - спросила американская журналистка.

- Ни в коем случае, - отозвался Марчелло. Она записала: "Нежелание хвастаться вместе с полной уверенностью в своей силе делает

Марчелло Поллетти человеком особым, совершенно приемлемым для американской модели поведения..."

- Вы боитесь, что вас могут убить? - поинтересовался репортер из Японии.

- Конечно, - ответил Марчелло. "Учение "дзэн", - начал писать репортер, - по крайней мере с одной авторитетной точки зрения, является искусством видеть вещи такими, каковы они в действительности. Марчелло Поллетти, спокойно воспринимающий страх перед смертью, можно сказать, сумел победить его методом чисто японским. Но сумел ли? Неминуемо встает вопрос, является ли признание Поллетти страха перед смертью великолепным преодолением непреодолимого или простым принятием неприемлемого?"

...Поллетти приобрел довольно широкую известность. В конце концов, не каждый день охотник взрывает свою жертву на международной выставке. Дела такого рода становятся сенсацией. Разумеется, имело значение и то, что Поллетти был привлекательным мужчиной, скромным, утратившим вкус к жизни, мужественным и, самое главное, заслуживающим того, чтобы его взгляды интересовали читателей.

Глава 3

Гигантский компьютер жужжал и щелкал, на его панели мелькали красные и синие огни, выключались белые и загорались зеленые. Это был игровой компьютер, огромная машина, аналог которой находились во всех столицах цивилизованного мира. Именно он занимался судьбами всех охотников и жертв. Он подбирал пары противников, регистрировал результаты их единоборств, присуждал денежные призы победителю или посылал соболезнования семье проигравшего, менял ролями уцелевших игроков, делая охотника жертвой, а жертву охотником, и следил за их непрерывным участием в Охоте до тех пор, пока один из них не достигал желанной цифры - десять убийств. Правила были просты: к участию в Охоте допускались все мужчины и женщины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет, независимо от цвета кожи, вероисповедания и национальности. Изъявившие желание участвовать были обязаны пройти все десять Охот, поочередно становясь пять раз охотниками и пять - жертвами. Охотники получали имя, адрес и фотографию жертвы, жертва - всего лишь уведомление, что ее Преследует охотник. Все убийства требовалось совершить лично, причем за убийство не того человека следовало суровое наказание. Сумма денежного приза увеличивалась в

зависимости от количества совершенных убийств. Победитель, успешно прошедший весь путь, получал в награду практически неограниченные гражданские, финансовые, политические и моральные права. Так просто.

После введения Охот прекратились все крупные войны; их заменили миллионы маленьких войн, количество соперников в которых было сведено к минимуму - двум.

Охота была делом совершенно добровольным, и ее цель отвечала самой практической и реалистичной точке зрения. Если кто-то хочет убить кого-то, гласили аргументы в ее пользу, почему не дать ему такую возможность при условии, что мы сумеем найти кого-то, желающего того же. Таким образом, они могут охотиться друг за другом и оставят нас в покое.

Несмотря на то что создавалось впечатление полной новизны, охотничьи игры были, в принципе, стары как мир. Это было качественно измененным возвращением к древним, более счастливым временам, когда наемники воевали друг с другом, а гражданские лица оставались в стороне и разговаривали об урожаях.

Для истории характерна цикличность. Когда накапливается слишком много явлений с одним знаком, он неминуемо переходит в противоположный. Время профессиональной - и часто бездействующей - армии прошло, наступил век массовой армии. Фермеры больше не говорили про урожай, вместо этого они воевали за них. Даже если у них не было урожаев, которые следовало защищать, им все равно приходилось воевать. Рабочие оказались вовлеченными в хитроумные византийские интриги в заокеанских странах, а продавцы обувных магазинов с оружием в руках пробирались сквозь сумрачные джунгли и по вершинам гор, покрытым вечными снегами.

Почему они делали это? В те дни все казалось таким ясным. Приводилось множество причин, и каждый находил объяснение, отвечающее его чувствам. Однако то, что казалось столь очевидным, со временем утратило ясность. Профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Фермеры, рабочие и продавцы обувных магазинов терпеливо ждали, когда кто-нибудь скажет им: с какой стати, собственно, они подвергают свою жизнь опасности? Когда ясного ответа не последовало, они начали испытывать раздражение, недовольство и даже ярость.

Иногда они обращали оружие против правителей своих стран.

Растущая непримиримость народа, дополненная технологической возможностью умертвить всех и все, привела к излишнему накоплению

факторов с одним знаком, и тот перешел в противоположный. Этого, конечно, нельзя было допустить.

На исходе пяти тысяч лет человеческой истории люди начали наконец что-то понимать. Даже правители, славившиеся тем, что неохотнее всех соглашались на перемены, осознали их неизбежность.

Войны не приводили ни к чему и не приносили никакой пользы; однако проблема склонности людей к насилию, которую не сумели искоренить долгие годы религиозного принуждения и полицейского обучения, все еще оставалась нерешенной. Решение было найдено в узаконенной в настоящее время Охоте.

Таким было по крайней мере одно объяснение возникновения этого явления. Справедливости ради следует отметить, что не все соглашались с подобным толкованием. Как всегда, профессора истории спорили между собой, эксперты в сфере экономики сомневались, психологи позволяли себе не соглашаться, а антропологи считали нужным напомнить.

Таким образом, если принять во внимание их возражения, у нас не остается ничего, кроме непреложного факта существования самой Охоты - факта такого же странного, как похоронные обряды древних египтян, такого же обычного, как обряды посвящения индейцев племени сну, и столь же непостижимого, как нью-йоркская фондовая биржа. В результате существование Охоты можно объяснить только ее существованием, поскольку, согласно по крайней мере одному авторитетному мнению, ничто оправдывает существование чего-нибудь.

Мелькали огни, включались контуры, щелкали реле, вращались диски. Перфокарты мелькали, как белые голуби, - и игровой компьютер соединил две жизни.

Охота АСС1334ВВ: охотник - Кэролайн Мередит, жертва - Марчелло Поллетти.

Глава 4

- Кэролайн, - произнес мистер Фортинбрас, - хочу поздравить вас с весьма изящным убийством.

- Спасибо, сэр, - ответила Кэролайн.

- Оно было, насколько я помню, девятым?

- Совершенно верно, сэр.

- Значит, осталось всего одно, а?

- Да, сэр. Если сумею.

- Сумеете, - заверил ее Фортинбрас. - Сумеете, потому что я, Дж. Уолстод Фортинбрас, говорю, что сумеете.

Кэролайн скромно улыбнулась. Фортинбрас ухмыльнулся. Он был боссом Кэролайн, главой компании "Телеплекс Ампуорк". Обладая небольшим ростом, он пытался найти величие в грандиозном, и его пристрастие к вульгарному отступало только перед наслаждением всем подлым и гнусным. Он откинулся назад, смахнул что-то с рукава куртки, сделанной из настоящей замши, поднес ко рту большую сигару, сплюнул на бесценный бухарский ковер с трехдюймовым ворсом, вытер рот кружевным платком, сплетенным нищими браминами у погребальных костров Ганга, и потер лоб полированным ногтем, стремясь показать, что думает.

Он не думал, разумеется; он пытался - и делал такие попытки на протяжении многих лет - продемонстрировать свой характер. Дело, однако, заключалось в том, что у мистера Фортинбраса характер отсутствовал. Превосходные специалисты трудились годами, стараясь исправить этот недостаток, но тщетно. Это было единственным проклятием в жизни Фортинбраса.

- Сейчас вы будете охотником, верно? - спросил он у Кэролайн.

- Да, сэр.

- А вам уже сообщили, кто является вашей следующей жертвой?

- Сообщили, сэр. Это мужчина по имени Марчелло Поллетти, житель Рима.

- Рима в штате Нью-Йорк?

- Нет, Рима в Италии, - учтиво поправила его Кэролайн.

- Ну что ж, это еще лучше, - заметил Фортинбрас. - Там, наверное, более живописно. Так вот, моя идея заключается в следующем, и я хочу, чтобы вы обдумали ее очень тщательно и сообщили мне свое мнение честно и прямо. Поскольку у нас, в нашей компании, есть потенциальный победитель в десяти Охотах, почему бы не попробовать снять документальный фильм о десятом убийстве? А?

Кэролайн задумчиво кивнула. Кроме нее и Фортинбраса, в кабинете находились еще трое мужчин - все молодые, красивые, смысленные и несносные.

- Да, да! - воскликнул Мартин.

Занимая пост старшего исполнительного заместителя продюсера, он был единственным (за исключением самого Фортинбраса), кому разрешалось пользоваться восклицательными знаками.

- Вы попали в самую точку, босс, - тихо заметил Чет.

Насколько он помнил, в прошлом году было снято тридцать семь документальных фильмов о различных аспектах Охоты.

- Лично я не уверен, - произнес Коул.

Будучи самым младшим исполнительным помощником, Коул знал, что на его долю выпал несчастливый долг расходиться во мнениях с

шефом, поскольку Фортинбрас испытывал отвращение к людям, во всем поддакивающим ему, и не хотел, чтобы его окружали одни подхалимы. Коул ненавидел свою работу, потому что чувствовал, что Фортинбрас всегда прав. Он мечтал о времени, когда наймут четвертого исполнительного помощника, что позволит ему говорить "да".

- Трое против одного, - сказал Фортинбрас, омерзительно смачивая слюной конец сигары. - Видимо, вы остались в меньшинстве, а, Коул?

- Пожалуй, это к лучшему, - удовлетворенно отозвался Коул. - Я считаю своим долгом выражать собственную точку зрения, но уверяю вас, что я с ней не согласен.

- Мне нравится ваша прямота, - заметил Фортинбрас. - Честность и здравый смысл помогут вам сделать карьеру, пусть у вас не будет сомнений на этот счет. Итак, посмотрим. Что, если мы назовем фильм "Момент истины"?

Присутствующие умело скрыли гримасу отвращения. Фортинбрас продолжал:

- Впрочем, это название чисто рабочее; я просто, так сказать, примерял его. А вот еще одно:

"Миг откровенности". Как вы считаете?

- Мне очень нравится! - тут же отозвался Мартин. - Прямо в десятку, босс.

- Здорово, очень здорово, - поддержал его Чет, наслаждаясь ужасом названия с полузакрытыми глазами.

- Я считаю, что в названии чего-то не хватает, - произнес Коул несчастным голосом.

- Не хватает? Чего именно? - спросил Фортинбрас.

Коула никогда еще не просили объяснять, почему его точка зрения иная. Он почувствовал, как у него перехватило дыхание и ледяная дрожь прошла через желудок. Он превосходно понимал, что эти симптомы предвещают наступление безработицы.

Мартин, о доброте сердца которого ходили легенды а; до 10-й авеню, пришел на помощь.

- Мне кажется, что Коул имел в виду одно из старомодных забористых названий. Что-то вроде простого названия "Десятый".

- А может быть, он не это имел в виду, - тут же пришел на помощь Мартину Чет.

- Думаю, что-то вроде этого пришло мне в голову, - поспешил поддержать их Коул. - Я понимаю, конечно, что такие короткие забористые названия теперь устарели...

Он замолчал. Фортинбрас, прижавший средний палец правой руки к точке на дюйм выше едва заметных бровей, погрузился в медитацию.

Шли секунды. Фортинбрас закрыл глаза неопределенного цвета и снова открыл их.

- "Десятый"... - произнес он еле слышным голосом.

- Старомодно, - заметил Мартин. - Однако такие названия через некоторое время снова обретают звучание.

- "Десятый", - сказал Фортинбрас, смакуя это слово как леденец.

- В этом что-то есть, - признал Чет, - хотя, конечно, нужно помнить...

- "Десятый"! - раздался торжествующий возглас Фортинбраса. - Да-да, "Десятый"! Это название взывает ко мне, джентльмены, по-настоящему взывает. Н-да... - Он снова затаился своей отвратительной сигарой, затем спросил:

- Была хотя бы одна женщина, сумевшая достичь цифры десять?

- Нет, насколько мне известно, - ответил Мартин. - По крайней мере в Соединенных Штатах.

- Что ж, тогда все, - сказал Фортинбрас. - А вот женщин, убивших девятерых, было несколько, правда?

- Последней была мисс Амелия Брэндоум, - сказал Мартин. - Она добилась этого статуса восемь лет назад.

Он ознакомился с этой информацией прошлым вечером, предвидя сегодняшние события. Мартин стал старшим исполнительным заместителем продюсера именно потому, что умел предвидеть.

- И что с ней стало? - спросил Фортинбрас.

- Ее подвела самоуверенность. Во время десятой попытки жертва прикончила ее. Она, вернее, он, потому что жертвой оказался мужчина, воспользовался дробовиком, заряженным кормом для птиц.

- Подобное оружие не кажется мне таким уж смертоносным, - покачал головой Фортинбрас.

- В данном случае оно оказалось смертоносным, - сказал Чет. - Выстрел был произведен с расстояния примерно в два дюйма.

- Надеюсь, что вы не проявите такой самоуверенности, Кэролайн, - хихикнул Фортинбрас.

- Да, сэр, я тоже надеюсь, - ответила Кэролайн.

- В противном случае вы окажетесь без работы, - добавил Фортинбрас, делая жалкую попытку пошутить.

- Да и без жизни, - заметила Кэролайн.

Остроумие Кэролайн пришлось всем по вкусу. Когда смех утих, Фортинбрас перешел к делу.

- О'кей, ребята, - начал он, - Приготовьтесь к перелету и действуйте побыстрее. У нас есть свободных полчаса в эфире послезавтра от десяти до половины одиннадцатого утра, так что передача будет вестись напрямую, живьем - или, наоборот, вмертвую? Хе-хе. В общем, ребята, вы знаете, какой тон выбрать для передачи, - абсолютно

серьезный, но с легким юмором. Не беспокойтесь о всяких там фонах, просто излагайте ход Охоты в живой впечатляющей манере, но с достоинством и, как я уже сказал, с юмором. Вы ведь знаете, что я имею в виду, правда, Мартин?

- Думаю, что сумею разобраться, сэр, - сказал Мартин.

За последние три года он все время думал за Фортинбраса, с того самого момента, как стал старшим исполнительным заместителем продюсера. К следующему году Мартин надеялся занять место Фортинбраса.

Вряд ли можно было отрицать, что Фортинбрас был действительно глуп; однако он не был абсолютным болваном. Он собирался уволить Мартина сразу после завершения предстоящего задания. Но это оставалось его маленькой тайной, которой он не поделился ни с кем, даже со своим психиатром.

Глава 5

Министерство Охоты в Риме находилось в огромном современном здании, выстроенном в псевдороманском стиле с элементами готики.

По его широким белым ступеням из античного камня быстро поднимался Марчелло Поллетти, тот самый Поллетти, который вчера убил барона фон Рихтоффена. Когда он поднялся, от балюстрады отошли какие-то зловещие фигуры, одетые в черное, и окружили его.

- Эй, мистер, - обратился к Поллетти один, - не хотите ли купить карманный металлодетектор?

- Он не сможет обнаружить пистолет из пластика, - ответил Марчелло.

- Между прочим, - заметил второй, - у меня есть детектор и для пластика.

Поллетти улыбнулся, пожал плечами и пошел дальше.

- Извините меня, сэр, но, похоже, вам требуется хороший наблюдатель.

Поллетти, не останавливаясь, покачал головой.

- Но ведь вам нужен наблюдатель, - настаивал мужчина. - Каким образом вы надеетесь опознать своего охотника, если не прибегнете к услугам отлично подготовленного наблюдателя? Что касается меня, я окончил курсы в Палермо и продолжил подготовку, повышая квалификацию, в Болонье. У меня есть письменные рекомендации от многих благодарных клиентов. Он взмахнул пачкой потрепанных бумаг перед носом Поллетти. Тот пробормотал что-то вроде: "Мне очень жаль..." - и проскользнул мимо. Поллетти подошел к огромным бронзовым дверям Министерства, и мужчины, одетые в черное,

безропотно вернулись на свои места у балюстрады. Поллетти шел по коридорам мимо пыльных витрин, где были выставлены различные виды оружия, применявшиеся в Охоте, мимо карт мира, отражавших географию Охот, мимо групп туристов и школьников, которым плохо выбритые гиды в мятой, поношенной форме нудно рассказывали про историю Охоты. Наконец он нашел кабинет, который искал.

Войдя, Поллетти пулей устремился к столу, на котором стояла табличка "ВЫПЛАТА". За столом сидел чиновник, ведающий вопросами платежей, специально выбранный для этой работы из-за чопорной, высокомерной манеры поведения и характерной внешности: сгорбленные плечи, худая шея и очки в стальной оправе.

- Я хочу получить призовые деньги, - сказал Поллетти, вручая чиновнику свое удостоверение. - Вы, может быть, уже слышали о том, как я взорвал барона Рихтоффена на выставке лошадей. Сообщения об этом напечатаны во всех газетах.

- Никогда не читаю газет, - заявил чиновник, - а также не увлекаюсь болтовней о велосипедных гонках, футбольных матчах и Охотах. Как ваше имя?

- Поллетти, - отчетливо произнес Поллетти, слегка оробев. Чиновник повернулся к шкафу с картотекой, где хранились досье на всех охотников и всех жертв в Риме. Быстрыми пальцами, привыкшими обращаться с бумагами, словно курица, клюющая зерна кукурузы, он перебрал карточки и ловко выхватил ту, что принадлежала Поллетти.

- Да, - наконец произнес он, сравнив фотографию Поллетти на карточке с фотографией на удостоверении и внимательно изучив настоящего (или якобы настоящего) Поллетти, стоявшего перед ним.

- Все в порядке? - спросил Марчелло.

- В полном, - ответил чиновник.

- Значит, я могу получить призовые деньги?

- Нет. Их уже получили.

Поллетти остолбенел. Однако он быстро взял себя в руки.

- Кто их получил?

- Ваша жена, синьора Лидия Поллетти. Она действительно ваша жена?

- Была... - сказал Поллетти.

- Вы развелись?

- Да. Два дня назад.

- Требуется неделя, иногда десять дней, чтобы данные об изменении в семейном положении попали ко мне. Вы, разумеется, можете подать жалобу.

На лице чиновника появилась самодовольная улыбка, и стало ясно, что он думает о шансах Марчелло когда-либо получить эти деньги.

- Теперь это не имеет значения.

Марчелло повернулся и вышел. Бесплезно демонстрировать свои чувства перед чиновником. Однако Марчелло деньги были нужны не меньше, чем самому клерку, может, даже больше. Вот так Лидия! Когда дело касается денег, она действует просто-таки молниеносно.

Выйдя из здания Министерства, Марчелло медленно пошел через улицу. Вдруг какая-то прелестная блондинка подбежала к нему, обняла за шею и страстно поцеловала. Марчелло изумился. Такие вещи случаются нечасто, а когда случаются, то в неподходящем месте и тогда, когда у него нет соответствующего настроения.

Марчелло попытался высвободиться из объятий, но девушка прильнула к нему и зарыдала:

- Пожалуйста, пожалуйста, сэр, проводите меня через улицу до входа в Министерство!

И тут Марчелло понял, что происходит. Он осторожно снял руки девушки со своей шеи и сделал шаг назад.

- Я ничем не могу помочь вам, - произнес он. - Это противоречит закону. Видите ли, я сам принимаю участие в Охоте.

Прелестная юная девушка (ей было лет девятнадцать-двадцать, самое большее - двадцать восемь) посмотрела вслед удалявшемуся Марчелло и поняла, что осталась один на один со смертельной опасностью на этой широкой солнечной улице. Она повернулась и побежала к Министерству.

Внезапно из переулка выскочил "Мазерати" - эту модель еще называли "преследователь", - который помчался прямо на девушку. Она увернулась от автомобиля, как матадор от быка. Но у этого "быка" оказались дисковые тормоза, на которые водитель нажал изо всех сил. В результате машина описала полукруг и остановилась перед девушкой. Ее лицо окаменело. Из сумки на плече она выхватила тяжелый пистолет-пулемет, щелкнула вставшим на место прикладом, перевела предохранитель в положение "огонь" и выпустила по автомобилю длинную очередь.

Тут же стал очевидным печальный факт, что девушка не сочла нужным позаботиться о бронебойных пулях. Ее выстрелы не причинили никакого вреда сверкавшему "Мазерати", в то время как водитель, воспользовавшись представившейся возможностью, выскочил с другой стороны автомобиля и прямо изрешетил девушку пулями из древнего пулемета системы Стэна.

Когда перестрелка закончилась, из двери неподалеку появился полицейский, вежливо отдал честь, проверил карточку жертвы, затем удостоверение охотника, в котором сделал просечку.

- Поздравляю, сэр, - вежливо произнес он. - Примите также мои извинения. - И протянул мужчине квитанцию.

- Д это что? - недоуменно спросил мужчина.

- Штраф за нарушение правил уличного движения, сэр, - объяснил полицейский, сделав жест в сторону "Мазерати", стоявшего поперек улицы и мешавшего движению.

- Но, приятель, - запротестовал мужчина, - я не смог бы ее убить, не затормозив мгновенно.

- Возможно, - согласился полицейский. - Но мы не делаем исключений даже для охотников. - Возмутительно! - воскликнул мужчина.

- Девушка тоже нарушила правила, - заметил полицейский, - поскольку пересекла улицу на красный свет. Но в данном случае мы не можем взыскать штраф, поскольку нарушитель мертв. - А если бы убили меня? - спросил мужчина.

- Тогда я оштрафовал бы ее, - пояснил полицейский, - оставив без внимания ваше нарушение.

Поллетти пошел дальше. Споры из-за пустяков надоедали ему так же, как и споры по важным вопросам.

Не успел он пройти и квартала, как ярко-красный спортивный автомобиль с опущенным верхом остановился рядом, скрипнув тормозами. Поллетти инстинктивно вздрогнул и оглянулся вокруг, ища убежища. Как всегда, скрыться было некуда. Через несколько секунд он обнаружил, что за рулем машины сидит Ольга.

Это была стройная, темноволосая, элегантная молодая женщина, изящно, хоть и чуть броско, одетая. Ее глаза, большие, черные, светились, как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем. Ее можно было бы назвать очень привлекательной - если вам по душе такой тип женщин, - правильнее всего было охарактеризовать ее как параноидального шизофреника, одержимого манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами.

Мужчины любят играть с опасностью, но не каждый день. Поллетти играл с Ольгой почти двенадцать лет.

- Я все видела, - произнесла Ольга многозначительно и мрачно.

Она всегда говорила многозначительно и мрачно, за исключением тех случаев, когда ее тон был истерическим.

- Видела? Что же ты видела?

- Все.

Поллетти вымученно улыбнулся.

- Если ты видела все, значит, ты все поняла. Он хотел коснуться плеча Ольги, но та включила задний ход и отъехала на несколько ярдов. Поллетти опустил руку и пошел за ней.

- Милая, - начал он, - раз ты действительно видела все, то поняла, конечно, что между мной и этой несчастной девушкой нет ничего общего.

- Разумеется, - сказала Ольга. - Теперь.

- Не только теперь, а вообще, - продолжал убеждать Поллетти. - Поверь мне, Ольга, я видел ее впервые в жизни!

- У тебя на лице губная помада, - мрачно заметила Ольга. Она была на грани истерики.

Поллетти поспешно вытер рот тыльной стороной ладони.

- Милая, уверяю тебя, что я даже не был знаком с этой несчастной девочкой...

- Тебе всегда нравились такие молодые, правда?

- ... и потому никак не мог встречаться с ней, никак.

- Значит, тебе приходилось только мечтать о таких встречах, а, Марчелло?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Ольга ждала дальнейших оправданий, которые намеревалась с ходу отвергнуть. Поллетти просто молчал. Его лицо изменилось, на смену ритуальному выражению мольбы пришла гримаса обычной скуки. Мужчина, конечно, в долгу перед женщиной, с которой прожил двенадцать лет, но всему же есть предел.

Внезапно он отошел от автомобиля и стал озираться, ища такси. Ольга включила сцепление и направила машину прямо на него, затормозив всего в каких-то двух дюймах.

Не говоря ни слова, Поллетти сел рядом с ней.

- Марчелло, ты лгун и обманщик, - произнесла Ольга.

Поллетти кивнул, закрыл глаза и откинулся на спинку мягкого сиденья.

- Если бы я так тебя не любила, то могла бы убить.

- Не спеши, твоя очередь еще придет, - пробормотал Поллетти, не открывая глаз.

- Весьма вероятно, - согласилась Ольга. - Но сначала ты должен увидеть меня в новом платье. - Она засмеялась и стиснула его руку. - Я уверена, что оно понравится тебе, Марчелло.

А в нем и я.

- Не сомневаюсь.

- Почему мужчины такие свиньи?! - воскликнула Ольга.

Не получив ответа, она включила зажигание и помчалась по улице, словно за ней гнался ураган. Поллетти молчал, не открывая глаз, погруженный в свои мысли.

Глава 6

В небе над Римом пролетел огромный пассажирский реактивный самолет. Получив команду с земли, он зашел на посадку в аэропорту Фьюмичино. Из гигантских крыльев выдвинулись закрылки, включились воздушные тормоза, выскочил маленький хвостовой парашют, а за ним и большой. Пробежав по взлетной полосе, гигант неохотно остановился. В кабине пилотов слышались благодарственные молитвы.

Двери открылись, и на бетонное поле начали спускаться пассажиры. Среди них выделялась группа, состоявшая из трех странно похожих друг на друга мужчин и поразительно красивой женщины. Стюардесса повела их к стоявшему поблизости вертолету, тогда как остальных пассажиров посадили в автобусы и повезли к зданию аэропорта.

Четверка села в вертолет. Винт тут же пришел в движение, и неуклюжая машина стала карабкаться в небо. Кэролайн заняла место рядом с пилотом, а мужчины уселись на узкое сиденье в хвосте. Мартин, назначенный старшим исполнительным продюсером по съемкам на натуре - высокий, хотя и временный пост, - что-то писал в блокноте. Чет, следующий по старшинству, задумчиво кусал губы. Коул, самый младший, выглядел полным оптимизма и энергии.

Мартин оторвался от записной книжки и взглянул под ноги сквозь прозрачный плексигласовый пол.

- Это что, собор святого Петра?

- Совершенно верно, - подтвердил Чет.

- Как вы думаете, мы сможем арендовать его на день-другой? Вот если бы нам удалось заснять убийство именно здесь...

- А я могла бы переодеться монашкой, - мечтательно произнесла Кэролайн.

- Боюсь, собор святого Петра арендовать не удастся, - возразил Чет.

Будучи старшим исполнительным заместителем Мартина по съемкам, он был в курсе многого.

- Я имею в виду не саму церковь, - сказал Мартин. - Нам будет достаточно площади, ну и, может быть, нескольких видов собора для создания атмосферы.

- Нам не позволят этого, - произнес Чет.

- А почему бы не провести съемки в павильоне? - спросил Коул.

Оба старших по должности недовольно посмотрели на него.

- Забудьте об этом раз и навсегда, - произнес Мартин сурово. - Это документальный фильм, ясно? Вы что, забыли? Все должно быть как в жизни.

- Извините, - сказал Коул. - А это что?

- Фонтан Треви, - ответил Мартин. - Прелестное место. - Он повернулся к Кэролайн. - Как твое мнение, бэби? Ты убиваешь его у фонтана, наплыв, труп Поллетги в воде, затем на экране снова появляешься ты, на лице торжествующая, но немного грустная улыбка, бросаешь в фонтан пару монет. Туг включаем громкий шум улиц, ты покидаешь площадь, медленно уходя по длинной мощеной улице, изображение затухает.

- Насколько я помню, вокруг фонтана Треви нет мощеных улиц, - заметил Чет.

- Ну и что? Сделаем мощеную улицу, - нетерпеливо произнес Мартин. - А если это не понравится, сразу после съемок булыжник будет убран.

- Действительно, производит впечатление, - задумчиво сказал Чет. - Производит немалое впечатление.

- Классная мысль, - поддержал Коул. - По-настоящему классная. Все посмотрели на Кэролайн.

- Нет, - ответила девушка.

- Послушай, крошка... - начал Мартин.

- Нет, это ты послушай, - перебила Кэролайн. - Это мое убийство, мое десятое убийство, и я хочу, чтобы все выглядело блестяще. Ты понимаешь, что я имею в виду?

- Блестяще, - повторил Мартин. Чет задумчиво пожевал губами. Коул по-прежнему выглядел энергичным и полным оптимизма.

- Совершенно верно, блестяще, - подтвердила Кэролайн.

В ее голосе послышались стальные нотки, которые никто раньше не замечал. Такая твердость встревожила Мартина. Ему не нравилась подобная самоуверенность. Стоит женщине совершить несколько убийств, и она начинает думать, что ей позволено все.

- У нас нет времени для подготовки, - объяснил он. - Съемки будут проводиться завтра утром.

- Это ваша проблема, - бросила Кэролайн. Мартин приподнял солнечные очки и потер глаза. Работать с женщинами всегда нелегко, а с женщинами-убийцами - просто невозможно. Раздался нерешительный, тихий голос Чета:

- Э-э, у меня появилась мысль о месте съемок. Что, если мы воспользуемся Колизеем? Вот он, прямо под нами.

Вертолет опустился пониже, и все принялись рассматривать массивный полуразрушенный овал.

- Я не знал, что он такой огромный, - произнес Коул.

- Мне нравится, - сказала Кэролайн.

- Ну конечно, это было бы великолепно, - согласился Мартин. - Но послушай, беби, чтобы организовать съемки в таком месте, нужно время, а его-то у нас и нет. Может быть, ты все-таки согласишься на фонтан Треви или сады Боргезе?

- Я убью его здесь. - Голос Кэролайн звучал непреклонно.

- Но для организации...

- Видишь ли, Мартин, - вмешался Чет, - я подумал, что тебе может понравиться это место, и потому осмелился заранее обо всем договориться. Понимаешь, так, на всякий случай.

- Вот как?

- Да, эта мысль пришла мне в голову вчера вечером. Я, конечно, не хотел делать такой шаг без твоего разрешения, но будить тебя не решился: в конце концов, этот план мог оказаться несбыточным. Ну, я позвонил в Рим и обо всем договорился. Поверь, Мартин, поступать так без твоего одобрения...

- Ну что ты, - произнес Мартин, хлопнув его по плечу. - Ты поступил совершенно правильно.

- Ты так думаешь? - озадаченно спросил Чет.

- Ну конечно, совершенно правильно. Кэролайн довольна, мы все тоже, так что давайте приниматься за работу. Поставим съемочные камеры и подумаем, как использовать танцовщиц ансамбля "Рой Белл", а также все остальное. Ну что, ребята, решено?

- Итак, я совершу убийство в Колизее! - На лице Кэролайн появилась блаженная улыбка. - Господи, наконец-то осуществится голубая девичья мечта.

- Обязательно осуществится, - кивнул Мартин. - Только нужно действовать как можно энергичнее, все установить и согласовать, отыскать этого Поллетти, сделать так, чтобы он появился в нужный момент...

- Это я беру на себя, - произнесла Кэролайн.

- Превосходно, - улыбнулся Мартин. - Однако и всем остальным тоже придется немало потрудиться. Эй, шофер, двигай побыстрее!

Вертолет начал снижаться по направлению к Виа Венето. Пассажиры откинулись на спинки, улыбающиеся и довольные. Мартин думал, что пришло время избавиться от Чета, пока Чет не избавился от него. Получение права на использование Колизея, причем без согласия продюсера, было слишком удачной мыслью.

Поллетти двигался в полной темноте. Кроме того, было совершенно тихо. Так тихо бывает в склепе - эта мысль казалась вполне естественной человеку в его положении. Он чувствовал себя одиноким, ощущал приближение смерти, был испуган, нервничал... и скучал одновременно. Поллетти жевал чуингам и нижнюю губу: увидеть его можно было только через инфраскоп. Согнув руки на уровне бедер, на расстоянии трех дюймов от тела, как предписывалось правилами, он осторожно продвигался вперед, в любой момент ожидая нападения.

Внезапно он уловил едва заметное движение позади и слева от себя. Поллетти стремительно повернулся, стараясь выйти из предполагаемой зоны обстрела. Это был оборонительный маневр номер три, первая часть. В то же время он ударил правой рукой по нагрудному карману, и специальная кобура выбросила ему в ладонь пистолет. Теперь он видел противника - коренастого хмурого мужчину, державшего в вытянутой руке "люгер". Поллетти бросился на землю и несколько раз выстрелил, завершив таким образом вторую часть оборонительного маневра номер один. Ему удалось выполнить все действия в удивительно короткое время. Он был радостно возбужден и испытывал чувство удовлетворения от отлично выполненной работы...

Фигура противника исчезла, и над головой вспыхнул свет. Поллетти лежал на пыльном полу гимнастического зала. Перед ним на табурете рядом с панелью управления сидел старик в грязном комбинезоне. Он скорчил недовольную мину и покачал головой.

- Ну что? - спросил Поллетти, вставая и отряхиваясь. - Как на этот раз? Ведь я ухлопал его, правда?

- Ты отреагировал, - ответил старик, - медленнее почти на десятую долю секунды.

- Я действительно пожертвовал скоростью, - пояснил Поллетти, - ради точности.

- Неужели? - ехидно поинтересовался старик.

- Да, - кивнул Поллетти. - Это мой принцип, профессор.

- В таком случае можешь плюнуть на свои принципы, - заявил профессор Сильвестре. - Ты промахнулся на 3, 2 сантиметра.

- Но это очень близко, - заметил Поллетти.

- Недостаточно близко.

- А как мой оборонительный маневр номер три? - спросил Поллетти.
- Мне показалось, что я исполнил его очень неплохо.

- Действительно неплохо, - согласился профессор, - причем именно так, как рассчитывал противник. Даже корова могла бы повернуться быстрее. Он убил тебя первый раз, когда ты поворачивался, и второй раз, когда ты приготовился к стрельбе лежа. Если бы это было не

трехмерное объемное изображение противника, а настоящий охотник, ты был бы дважды убит.

- Вы уверены в этом?

- Посмотри на показания приборов. - Подумаешь, - пожал плечами Поллетти. - Это же не настоящая Охота.

- Разумеется, - саркастически промолвил профессор. - Когда решающий момент наступает на самом деле, человек действует еще медленнее. Ты помнишь, сколько раз выстрелил противник?

- Два, - тут же ответил Поллетти.

- Пять, - поправил его профессор.

- Неужели?

- Так говорят приборы. Я сам установил последовательность действий.

- Значит, меня сбило с толку эхо, - с горечью заметил Поллетти. - - В таком помещении невозможно отличить выстрелы от эха.

Профессор Сильвестре поднял правую бровь так высоко, что она коснулась бы волос, если бы они у профессора были. Он потер небритый подбородок и встал с табурета. Профессор был невероятно мал ростом и походил на безобразного гнома. Даже его лучший друг - если бы он у него был - не мог бы считать Сильвестре привлекательным человеком.

У многих преподавателей техники защиты и нападения на теле имелись следы, говорившие о том, как они приобретали свой опыт. У профессора Сильвестре их было больше, чем у других. Его правая рука была сделана из нержавеющей стали; кроме того, профессор имел дюралюминиевый подбородок, пластмассовую левую щеку, а также серебряную пластинку в черепе и коленную чашечку из золота пятьдесят восьмой пробы. Ходили слухи, что и некоторые другие, не столь заметные части его тела были сделаны из заменителей.

Долгое время психологи придерживались мнения, что люди, утратившие значительную часть своих органов, склонны к цинизму. Сильвестре не был исключением.

- Как бы то ни было, - заключил Поллетти, - мне кажется, что я совершенствуюсь. Неужели вы не согласны со мной, профессор?

Профессор попытался поднять правую бровь, но обнаружил, что она уже поднята, тогда он опустил ее и закрыл левый глаз. Стало ясно, что профессор воздерживается от выражения своей точки зрения.

- А теперь, - деловито заявил он, - переходим к следующему экзамену.

Он нажал одну из кнопок на панели управления. В стене открылся люк, оттуда выскочил миниатюрный бар и остановился так резко, что

полдюжины бокалов для шампанского попадали на пол и разбились. Поллетти вздрогнул.

- Я ведь просил механика, чтобы он смягчил остановку, - покачал головой профессор Сильвестре. - Сейчас никто не заботится о качестве работы. Итак, Поллетти, приступаем к следующему испытанию.

Он искусно смешал коктейль, наливая понемножку из разных безымянных бутылок, и подвинул стакан к Поллетти.

Тот осторожно понюхал жидкость, задумчиво нахмурился и произнес:

- Джин с ангостурой, немного соуса табаско.

Профессор молча смешал еще один коктейль и подал Поллетти.

- Водка с молоком и лимоном, - заявил Поллетти, - пара капель уксуса из эстрагона.

- Ты уверен?

- Совершенно.

- Тогда выпей.

Поллетти поднял стакан, взглянул на Сильвестре, еще раз понюхал и поставил стакан на стол.

- И правильно, - согласился профессор. - То, что тебе показалось запахом уксуса, было запахом мышьяка - его в коктейле солидная порция.

Поллетти смущенно улыбнулся, обнаружив, что переминается с ноги на ногу, как школьник, и сказал:

- У меня сегодня насморк. Разве можно надеяться...

Профессор взглядом заставил его замолчать, затем нажал кнопку на панели. Из стены выскочил диван и едва не снес стену. Оба сели.

После короткой, но многозначительной паузы Сильвестре произнес:

- Марчелло, до сих пор ты удачно избегал смерти.

- Разве это не относится к большинству людей? - быстро возразил Поллетти. - Я хочу сказать, что природа самой жизни случайна и необъяснима...

Профессора невозможно было отвлечь от выбранной темы.

- В первый раз тебе повезло - жребий оказался счастливым: ты стал охотником, а в жертвы компьютер выбрал слабоумного англичанина.

- Он был не слабоумным, - возразил Поллетти, - а рабом своих привычек.

- Неважно... Англичанин оказался легкой добычей, - продолжал Сильвестре, - мечтой любого охотника. Затем ты стал жертвой, а твоим охотником был девятнадцатилетний юноша, страдавший от безответной любви. И снова убийство не составило для тебя особых трудностей; между прочим, по-моему, бедный мальчуган просто искал

такой способ самоубийства, против которого не возражало бы общество.

- Ничего подобного, - ответил Поллетти. - Юноша оказался немного рассеянным.

- А когда ты стал охотником в третий раз, в качестве жертвы тебе попался этот нелепый немецкий барон, думавший только о лошадях.

- Действительно, справиться с ним было нетрудно, - признался Поллетти.

- Справиться со всеми было нетрудно! - воскликнул Сильвестре. - Неужели ты думаешь, что так будет продолжаться вечно? А теория вероятности? Просто тебе еще ни разу не попался хороший противник! Больше ты не сможешь одерживать победы, не используя умственные способности, быстроту реакции, интуицию, без тщательной подготовки.

- Послушайте, профессор, я не так уж плох. Смотрите, уже почти двадцать четыре часа, как я являюсь жертвой в своей четвертой Охоте, и еще ничего не произошло.

- За тобой уже наверняка следят, - заметил Сильвестре. - Твой охотник изучает тебя, манеру твоего поведения, выбирает наилучший момент для нанесения удара. А ты даже не подозреваешь об этом.

- Очень в этом сомневаюсь, - возразил Поллетти с чувством достоинства.

- Вот как? Он сомневается! Ну что ж, посмотрим, как ты справишься с опознанием.

Профессор Сильвестре снова нажал кнопку. В зале стало темно. Он нажал на другую кнопку. У противоположной стены возникли пять человеческих фигур. Четверо из них были подставные "ангелы", по терминологии Охоты, - многие выражения сохранились со времен легендарной второй мировой войны. Один был убийцей, и Поллетти предстояло его опознать.

Поллетти внимательно посмотрел на фигуры. Они изображали полицейского, швейцарскую стюардессу, священника-иезуита, носильщика из отеля и иорданского араба. Они медленно подошли к дивану и исчезли.

Сильвестре включил свет.

- Ну? Кто из них был охотником?

- Нельзя ли взглянуть еще раз? - попросил Поллетти.

Профессор отрицательно покачал головой.

- Я и так дал лишнюю секунду.

Марчелло потер подбородок, взъерошил волосы и нерешительно произнес:

- Араб показался мне каким-то подозрительным...

- Неправильно!

Сильвестре снова нажал кнопку, и у дальней стены возник иезуит, фигура которого в освещенном зале казалась прозрачной, но была хорошо видна.

- Взгляни, - сказал Сильвестре. - Иезуит, вне всякого сомнения, не тот, за кого пытается выдать себя. Буква "И", первая буква в названии его ордена, видна как на правой, так и на левой стороне груди. Ведь это сразу его выдает!

- Я никогда не обращал внимания на иезуитов, - пробормотал Поллетти, вставая и звеня монетами в кармане.

- Но в Риме они попадаются на каждом шагу! - воскликнул Сильвестре.

- Именно поэтому я никогда не обращал на них внимания.

- Как раз поэтому ты должен был замечать их! - В голосе Сильвестре звучало возмущение. - Фальшивая деталь в традиционной одежде - самый верный признак и сразу должна вызвать подозрение. - Он печально покачал головой. - Когда я принимал участие в Охоте, мы обращали на подобные вещи особое внимание. Ничто не ускользало от моего взгляда.

- Ничто, кроме банана со взрывчаткой, - подхватил Поллетти.

- Верно, - согласился профессор. - Этот парень из Нигерии узнал о моем пристрастии к тропическим фруктам.

- Насколько я помню, у вас были и некоторые другие ошибки, - уколол учителя Поллетти.

- А я и не скрываю, - голосом, полным достоинства, произнес Сильвестре. - Мне всегда не везло, поэтому теперь я стараюсь научить других избегать моих ошибок. У меня были весьма способные ученики. Боюсь, Марчелло, ты к ним не относишься.

- Пожалуй, - согласился Поллетти.

- Ты закончил полный курс обучения. Нельзя сказать, что у тебя начисто отсутствуют способности. Но какое-то глубоко засевшее безразличие, равнодушие мешает тебе вложить душу и сердце в самое благородное занятие человека - Охоту!

- Пожалуй, вы правы, - признался Поллетти. - Почему-то интерес к этому у меня быстро исчезает.

- Наверное, в твоём характере есть какой-то серьёзный недостаток, - печально произнес профессор Сильвестре. - Какая судьба ждёт тебя, мой мальчик?

- По-видимому, я умру, - заметил Поллетти.

- Да, пожалуй, - согласился Сильвестре. - Но тут возникает другой вопрос: как ты умрешь? Будет ли твоя смерть великолепной, как гибель камикадзе, или жалкой, как у загнанной в угол крысы?

- Не вижу особой разницы.

- Что ты! Между этими смертями колоссальная разница! - воскликнул профессор. - Раз уж ты не можешь хорошо убивать, сумей по крайней мере красиво умереть. В противном случае ты навлечешь позор на свою семью, друзей и на школу тактики жертв профессора Сильвестре. Никогда не забывай лозунг нашей школы: "Умирай не хуже, чем убиваешь!"

- Постараюсь запомнить. - Поллетти встал.

- Мой мальчик! - Сильвестре тоже поднялся и положил стальную руку на плечо Поллетти. - Твое кажущееся равнодушие - всего лишь прикрытие глубоко скрытого мазохизма. Ты должен бороться не только с охотником, угрожающим твоей жизни, но и с более опасным врагом внутри себя.

- Постараюсь. - Поллетти попытался подавить зевоту. - Но сейчас я должен спешить, у меня назначена встреча...

- Конечно, конечно, - сказал профессор. - Однако нам следует решить небольшую проблему платы за обучение; этим можно заняться прямо сейчас. После сегодняшнего урока сумма составляет триста тысяч лир. Если ты можешь...

- В данный момент не могу, - поспешно ответил Поллетти, заметив, что рука профессора из нержавеющей стали находится всего в дюйме от его сонной артерии. - Но завтра утром, как только откроются банки, я заплачу все.

- Ты мог бы сейчас выписать мне чек, - предложил Сильвестре.

- К сожалению, у меня нет чековой книжки.

- К счастью, у меня есть.

- Мне очень жаль, но я не могу выписать чек сейчас, потому что деньги хранятся в банковском сейфе.

Сильвестре пристально посмотрел на упрямого ученика, пожал плечами и снял стальную руку с плеча Поллетти.

- Хорошо, - сказал он. - Завтра? Честное слово?

- Честное слово, - подтвердил Поллетти.

- Закрепим наше джентльменское соглашение рукопожатием. - И профессор протянул свою стальную руку.

- Пожалуй, не стоит, - возразил Поллетти. Профессор улыбнулся и протянул здоровую руку. Поллетти с чувством пожал ее. Внезапно Сильвестре отдернул руку и устоялся на ладонь. На ней красовалась капля крови.

- Видите? - Марчелло показал крошечный блестящий шип, прикрепленный к ладони. - Как вы справедливо заметили - фальшивая деталь... Если бы этот шип был смазан ядом кураре... Добродушно посмеиваясь, он направился к выходу.

Сильвестре сел и поднес к губам раненую руку. Он чувствовал себя несчастным. Этому Пол-летти с его дурацкими выходками наверняка предстоит скорая встреча с кладбищем. Но, напомнил себе профессор, такая же судьба ожидает всех людей, тогда как его, профессора Сильвестре, отвезут скорее всего на свалку металлолома.

Глава 8

В бальном зале Борджиа римского "Хилтона" Кэролайн репетировала танец, который собиралась исполнить сразу после убийства Поллетти с танцовщицами ансамбля "Рой Белл". В зале царил полная тишина, изредка прерываемая возгласами вроде: "Я просила включить розовый направленный прожектор, а не яркий верхний свет! Неужели тебе это не ясно, тупой, ни на что не способный кретин?"

Мартин, Чет и Коул сидели в первом ряду спешно выстроенного зрительного зала, задумчиво теребя верхние губы. Они видели, что Кэролайн далеко не Павлова, но этого от нее и не требовалось. Недостаток способностей она компенсировала подлинным женским обаянием, которое прямо-таки обволакивало зрителей. Танцовщицы ансамбля искусно изображали различных женщин, тогда как Кэролайн не требовалось ничего изображать - она была Женщиной, обладающей каким-то особым магнетизмом. Иногда она казалась вампиром, иногда - валькирией. Ее стройное тело было не способно на неуклюжее движение или жест, а длинные светлые волосы ниспадали на плечи подобно золотому дождю.

- Как танцовщица она ничем не выделяется, - произнес Мартин, дергая себя за верхнюю губу, - зато какая женщина!

- Просто удивительно, - кивнул Чет; - Глядя на нее, видишь то вампира, то валькирию.

- Это верно, - поддакнул Коул, убрав пальцы от верхней губы. - А вы обратили внимание, что ее стройное тело кажется не способным на неуклюжее движение или жест и как ее длинные светлые волосы ниспадают на плечи подобно золотому дождю?

- Цыц! - проворчал Мартин, не переставая теребить верхнюю губу.

Он собирался произнести именно эти слова, и какой-то молокосос опередил его. Он решил уволить Коула вместе с Четом. Мартину не нравились умники.

Танец закончился. Слегка запыхавшись, Кэролайн сошла со сцены и опустилась в кресло рядом с Мартином.

- Ну? - спросила она. - Как?

Трое мужчин начали восторженно бормотать комплименты.

- В Колизее все готово к завтрашнему утру? - Кэролайн повернулась к Мартину.

- Абсолютно, - уверил ее Мартин. - Освещение, сцена, микрофоны с дистанционным управлением, пять кинокамер и две запасные. Есть даже специальный микрофон узконаправленного действия, чтобы записать предсмертный хрип жертвы.

- Прекрасно. - Кэролайн на мгновение задумалась, и ее лицо, в танце походившее на лицо вампира или валькирии, стало лицом Дианы, безжалостной богини охоты. - А теперь давайте взглянем на фотографии этого Поллетти.

Мартин передал ей пачку цветных снимков, восемь на десять дюймов, сделанных несколько часов назад и уже проявленных, обработанных, увеличенных и доставленных сюда благодаря магической силе денег. Кэролайн внимательно рассматривала фотографии.

- Сколько ему лет? - внезапно спросила она.

- Около сорока, - ответил Мартин.

- Под каким знаком он родился?

- Под знаком Близнецов, - тут же сказал Чет.

- Он хитер, - объявила Кэролайн. - Вот эти морщинки вокруг глаз...

- Мне кажется, он прищурился, когда наш человек начал фотографировать, - робко заметил Коул.

- Морщины есть морщины, - безапелляционно заявила Кэролайн. - Но мне нравятся его руки. Вы обратили внимание? Его пальцы расширяются на концах, кроме левого безымянного.

- Ты совершенно права, - согласился Мартин. - Раньше я как-то не заметил.

- Вы, наверное, не спрашивали мнения френолога?

- Господи, мисс Кэролайн, - произнес Коул, - у нас просто не было времени.

- Разве так уж важно, какие шишки у него на голове? - спросил Мартин. - От тебя требуется всего лишь убить этого парня.

- Мне хочется побольше знать о людях, которых я убиваю, - объяснила Кэролайн. - Это делает мою работу более увлекательной.

Мартин недовольно покачал головой. Ох уж эти женщины! Они все время пытаются притянуть чувства. Он решил уволить Кэролайн, как только займет должность Фортинбраса, но с легким чувством тревоги осознал, что после десятого убийства Кэролайн станет настолько влиятельной, что без труда сумеет настоять на увольнении его самого.

- Я понимаю тебя, - заметил Мартин, поспешно перенося недовольство девушкой на себя самого. - Действительно, интересно знать что-то о жертве, и, если бы у нас была возможность получить

закключение френолога относительно Поллетти, Чет, несомненно, придумал бы, как это сделать.

Кэролайн хотела ответить, по-видимому, что-то язвительное, но ее прервал металлический голос из небольшого монитора, стоявшего у ног Чета.

- Алло, алло, - донесся голос. - Это передвижная камера три, мы двигаемся примерно на юго-юго-запад и находимся в точке к западу от Виа Джулия. Вы слышите меня, центральный командный пункт, вы слышите меня?

- Да, мы слышим вас хорошо, - ответил Мартин.

Он ненавидел скучные формальности почти так же, как и неформальную фамильярность.

- Вижу объект на расстоянии примерно в тридцать семь и четыре десятых фута. Считаете ли вы необходимым, чтобы я приблизился на максимально близкое расстояние, или начинать действовать отсюда?

- Начинать действовать? - воскликнула Кэролайн. - Он что, не знает, кто охотник?

- Он имеет в виду не стрельбу, - пояснил Мартин. - Он всего лишь спрашивает, вести ли ему телевизионную передачу с расстояния, на котором находится, или приблизиться. Я не выношу этих бывших командиров эсминцев, однако Фортинбрас берет их на работу целыми экипажами. - Он щелкнул переключателем на мониторе. - Сохраняйте позицию, передвижная камера три, и ни под каким видом - повторяю, ни в коем случае - не приближайтесь к объекту. Начинайте передачу с того места, на котором находитесь.

- Понятно, приступаю к исполнению, - послышался голос из монитора, такой решительный, что, казалось, все увидели, как ощетинились рыжие усы говорившего.

Серый экран монитора стал белым, затем красным с извилистыми зелеными и малиновыми полосами. Наконец экран прояснился, и на нем появились прелестная грустная девушка и трое усатых мужчин, голос диктора произнес по-итальянски: "А сегодня мы покажем очередной эпизод из странных запутанных жизней..."

- Эй, передвижная камера три, в чем дело? - крикнул Чет.

- Извините, сэр, - ответила третья камера. - Небольшая путаница при всенаправленном приеме.

- Вы считаете это оправданием? - грозно спросил Мартин.

- Никак нет, сэр. Просто объясняю. Приступаем, сэр.

Экран стал черным, затем снова ожил. Теперь на нем был отчетливо виден Марчелло Поллетти, который медленно брел по улице, опустив плечи.

- Налицо внешние признаки хронической депрессии, - тут же заметил Чет.

- Может быть, он просто устал, - высказала предположение Кэролайн, внимательно разглядывая Поллетти.

- Он кажется мне идеальной жертвой, - произнес Коул с мальчишеским энтузиазмом.

- Идеальная жертва - это мертвая жертва, - холодно сказала Кэролайн. - Думаю, он просто лентяй.

- Это хорошо? - спросил молодой Коул с надеждой в голосе.

- Нет, плохо. Ленивые люди непредсказуемы. - Не отрываясь от экрана, она еще несколько секунд изучала Поллетти. - Но в нем есть что-то еще: не лень, не депрессия и не усталость. Он не пытается спрятаться или скрыться от слежки, как это делают большинство жертв. Он идет по оживленной улице, представляя собой идеальную цель.

- Действительно странно, - согласился Мартин.

- Ты уверен, что он получил официальное уведомление?

- Сейчас проверю.

Мартин щелкнул пальцами. Чет нетерпеливо махнул рукой, Коул вскочил, бросился к ящику с оборудованием, принес телефонную трубку и подключил ее.

Мартин набрал телефон Министерства Охоты в Риме, некоторое время пытался преодолеть своим английским поток итальянских слов и наконец беспомощно повернулся к помощникам.

- Э-э, знаете, шеф, - сказал Чет, - я прошел курс гипнообучения итальянскому языку в течение одной ночи, полагая, что это может пригодиться. Так что, если хотите...

Мартин передал ему трубку. Заговорив на безупречном итальянском языке с флорентийским акцентом, Чет быстро выяснил, что В.27.38, Марчелло Поллетти действительно получил лично официальное уведомление о том, что в этой Охоте он является жертвой.

- Странно, - недоумевающе произнес Мартин. - Определенно странно. Куда он идет?

- Входит в дом, - сказала Кэролайн. - Ты полагаешь, он станет весь день разгуливать по улицам, чтобы облегчить работу твоей съемочной группы?

Поллетти вошел в подъезд, и на экране монитора появилась закрытая дверь.

Мартин нажал кнопку на панели монитора.

- Все в порядке, камера три. Объект скрылся из виду, так что можете пока выключиться. Вы сумеете держать под наблюдением дом объекта на протяжении часа или двух, не вызывая подозрений?

- Так точно, - прохрипел голос из динамика на панели монитора. - Я действую с заднего сиденья "Фольксвагена". До сих пор, как мне кажется, никто даже не взглянул в мою сторону.

- Превосходно, - отозвался Мартин. - Назовите адрес дома... Хорошо, записал. Через час, максимум через два, мы вас сменим. Оставайтесь в машине; если заметите, что вызываете подозрение, немедленно уезжайте. Понятно?

- Так точно.

- Пока.

- Конец связи.

Мартин нажал кнопку на панели монитора и повернулся к Кэролайн.

- Ну что ж, милочка, мы нашли твоего парня и узнали, где он живет. Сейчас три часа тридцать четыре минуты и тридцать секунд дня. Тебе нужно привести его в Колизей к завтрашнему утру. Справишься? Это не самая простая работа в мире.

- Думаю, что справлюсь, - произнесла Кэролайн сладким голосом. - А ты как считаешь?

Мартин взглянул на нее, затем задумчиво потеревил верхнюю губу.

- Да, - кивнул он, - пожалуй, ты сможешь сделать это. Знаешь, Кэролайн, а ты здорово изменилась.

- Я тоже это заметила, - согласилась Кэролайн. - Может быть, это влияние Рима, или моего десятого убийства, или того и другого. Или чего-то еще. Я буду поддерживать с вами связь, мальчики.

Она повернулась и величественно вышла из бального зала Борджиа.

Глава 9

Квартира Марчелло Поллетти была яркой, шикарной... и временной, как и сам хозяин. Мебель была низкой, удобной, но не стильной, да и ценность ее была сомнительной. В квартире находились три внутренние лестницы: одна вела на террасу, другая в спальню, а третья почему-то упиралась в белую кирпичную стену. Это как нельзя лучше отражало характер хозяина квартиры.

Поллетти вытянулся на щегольской малиновой тахте. На груди у него сидела маленькая красно-синяя игрушечная обезьянка (на транзисторах, перезаряжающиеся батарейки, пятилетняя гарантия, можно мыть в ванне, доставляет удовольствие всей семье!). Он рассеянно почесывал ее за ухом, и механическая обезьянка вздрагивала от удовольствия и оживленно болтала. Потом Поллетти перестал почесывать обезьянку и принялся за глубокое дыхание, однако после трех циклов "вдох-выдох" бросил тренировку, потому что, как и от многих других вещей, от этого у него кружилась голова и начинало

подташнивать. К тому же он знал, что должен радоваться тому, что вообще еще дышит. В его ситуации глубокое дыхание было проявлением излишней самонадеянности, поскольку должно было основываться на том, что у Поллетти сколько угодно времени для дыхания.

По лицу Поллетти пробежала легкая улыбка: он придумал афоризм.

У противоположной стены на кронштейне, вделанном в стену, стоял телевизор. Рядом находился низкий кофейный столик, где лежали шесть книг, газета, пятнадцать комиксов, бутылка виски, револьвер "смит-вессон" с алюминиевым корпусом - модель ХСВ-3, известная под названием "Мститель", - заряженный, но без бойка. (Поллетти уже давно собирался заняться его ремонтом.) Здесь же валялся хитроумный небольшой крупнокалиберный пистолет, однозарядный, длиной всего 1, 2 дюйма, исключительно удобный, отличавшийся точным боем на расстоянии, не превышающем трех футов. Рядом с ним лежали еще два пистолета сомнительного происхождения и не менее сомнительной практической ценности. На угол стола был повешен пуленепробиваемый жилет, самая последняя модель, изготовленная два года назад фирмой "Хайтри и Оулди" (производитель пуленепробиваемых жилетов, поставщик двора Ее Величества Королевы). Жилет весил двадцать фунтов и защищал от любой пули, за исключением новых "Супер Пенитрекс 9 мм. Магнум", выпущенных в прошлом году компанией "Маршлэндс оф Фиддлерс Корт" (производитель боеприпасов, поставщик двора Его Величества Короля). Патронами "Супер Пенитрекс" пользовались теперь все охотники.

Рядом с жилетом валялись три смятые пачки из-под сигарет и пачка "Рэдджиз", где еще были сигареты. На самом краю стола стояла недопитая чашка кофе.

В заданное время таймер включил телевизор.

Начиналась программа "Международный час Охоты", которую нужно было обязательно смотреть, чтобы знать, кто убивает, кого и как.

Сегодняшняя передача велась из Далласа, штат Техас. В этом городе проживает больше "охотничьих птиц", как их любовно называют, на душу населения, чем в любом другом мегаполисе мира. По этой причине Даллас слывет раем для убийц и является чем-то вроде Мекки для любителей насилия.

Диктором был приветливый молодой американец. Его манеру говорить, сочетавшую в себе естественное дружелюбие и непринужденную фамильярность, трудно копировать и легко невзлюбить.

"Привет, ребята, - произнес он. - Я особенно рад приветствовать всех агрессивных мальчишек и девчонок, которые станут в будущем

охотниками и жертвами. Вам, ребята, мне хочется сообщить нечто особенное. Я не буду читать нравоучения, а просто напомню вам, мальчишки и девчонки, что с моральной точки зрения не следует убивать своих родителей, даже если вам кажется, что у вас для этого есть веские причины. Кроме того, это преследуется законом. Так что, ребята, серьезно, не делайте этого. Пойдите лучше к своему преподавателю физкультуры, и он устроит для вас схватку с кем-нибудь вашего роста и веса, с использованием дубинок, кастетов или булав, в зависимости от вашего возраста и успехов в учебе.

Я знаю, что это еще не всерьез, понимаю, что многие из вас думают, будто несколько сломанных костей и сотрясение мозга - для молокососов. Однако, поверьте мне, это все-таки настоящий спорт, он поможет вам вырасти крепкими и сильными, развить рефлекс и снимет излишнюю агрессивность. Я знаю, многие из вас, ребята, придерживаются точки зрения, что лишь пистолет или граната - настоящее оружие. Такие мысли возникают у тех, кто никогда не пользовался чем-то другим. Позвольте напомнить вам, что древние гладиаторы в Риме дрались кастетами, а ведь их никто не считал маменькиными сыночками. В средние века рыцари умели драться на булавах, и вряд ли кто-нибудь смеялся над ними. Так что, ребята, попробуйте, а? Вдруг вам это понравится".

- Как бы мне хотелось снова стать ребенком, - пробормотал Подлегли.

- Ты и есть ребенок, - раздался замогильный голос откуда-то сверху.

Поллетти не оглянулся: он знал - это Ольга. Она тихо спускалась по лестнице.

- "А теперь последние новости и сообщения из мира Охоты, - раздавался голос диктора. - В Индии возрождается древний культ удушения. Это официально подтверждено Министерством иностранных дел в Дели. Представитель правительства заявил сегодня..."

- Марчелло, - произнесла Ольга. Поллетти нетерпеливо махнул рукой. На экране появились виды Бомбея.

- "...что практиковавшееся на протяжении многих веков удушение с помощью шелкового или в крайнем случае хлопчатобумажного шарфа..."

- Марчелло, - повторила Ольга, - я хочу попросить прощения.

Она стояла на середине лестницы, тяжело опираясь на перила.

- "...является одной из немногих форм убийства, доступных для представителей всех слоев общества и не нарушающих заповедь, недвусмысленно запрещающую проливать кровь. Такая заповедь существует почти во всех крупнейших религиях мира. Различные

буддистские секты в Бирме и на Цейлоне проявили интерес к этой концепции, тогда как представитель советского правительства, выступая в Кремле, охарактеризовал ее как - цитирую - "сущую казуистику". Эта точка зрения, однако, вызвала протест правительства Китайской Народной Республики. Его представитель назвал, по сообщению Телеграфного агентства Нового Китая, удушающий шарф (или шейный воротник "тсингтао") настоящим народным оружием, и потому..."

- Марчелло!

Поллетти нехотя повернул голову. Ольга стояла на нижней ступеньке лестницы. Ее распущенные черные волосы ниспадали на плечи и напоминали змей на голове Медузы Горгоны; губы, покрашенные малиновой помадой, имели прямоугольную форму, как диктовала новая мода, а огромные черные глаза казались безжизненными и тусклыми, как у волка, раненного в живот.

- Марчелло, - произнесла она, - ты можешь простить меня?

- Разумеется, - быстро ответил Поллетти и снова повернулся к телевизору.

- "...Недавно избранный президент Бразилии Гильберт открыл второй этап Мировых Олимпийских игр торжественным заявлением. Обращаясь к миллионам зрителей, собравшимся на Центральном стадионе Рио, он сказал, что подлинный эмоциональный катарсис, должным образом направляемый в процессе Охоты, еще недоступен всем, тогда как олимпийские состязания гладиаторов, представляющие собой наиболее чистую и мощную форму" вторичного эмоционального катарсиса, доступны многим. Далее он заявил, что присутствие на Играх является долгом каждого гражданина, искренне желающего не допустить массовой гибели людей, как во время войн прошлого. Вежливые аплодисменты были ответом на его выступление. Первая схватка сегодня проходила между Антонио Абруцци, трехкратным чемпионом Европы в боях своеобразного стиля на боевых топорах, и известным финским бойцом-левшой Аэзиром Дрнги, одержавшим победу в прошлогодних полуфинальных боях североевропейской зоны. Все указывало на то, что приближается сенсация..."

- Я была вынуждена так поступить, - сказала Ольга. Ее колени вдруг начали подгибаться, а рука, стискивавшая перила, побелела от напряжения. - Извини меня, Марчелло, я так виновата перед тобой.

Правая рука Ольги соскользнула с перил, а из левой выпал коричневый флакончик, в содержании которого не приходилось сомневаться. Пол-летти сразу узнал его: там Ольга хранила снотворное - точнее, раньше хранила, потому что сейчас в нем не было пробки, и пустая коричневая бутылочка покатила по полу.

Стало ясно, что бог сна Морфей вступил в смертоносный союз со своим братом Танатосом, демоном смерти.

- Я приняла большую дозу снотворного, - произнесла Ольга, чтобы избежать ненужных вопросов. - Думаю... думаю...

Несчастливая замолчала и безвольно опустилась на темно-серый ковер.

- "...тогда как в схватках на палашах Николай Гроупопополис из Греции добился решительной победы, нанеся смертельный удар снизу вверх претенденту на победу Эдуарду Комт-Куше из Франции, смелому, но явно уступающему ему в мастерстве. В соревнованиях по удушению в среднем весе неожиданную победу одержал Ким Сил Кул из республики Центральная Корея".

- Извини меня, - виновато произнес Поллетти, отворачиваясь от экрана. - Ты сказала, что не можешь уснуть?

- "В группе В классической борьбы с применением двойных стилетов была объявлена ничья между Хуанито Ривера из Оаксака, Мексика, и Джулио Карерри из Палермо, Сицилия, тогда как..."

- Я сказала, - произнесла Ольга слабым, но отчетливым голосом, - что приняла большую дозу снотворного.

- "...В соревнованиях по метанию гранат, средний вес, Майкл Бернштейн из Омахи, Небраска, несмотря на растяжение мышц плеча, взорвал своего соперника..."

- Я не раскаиваюсь, - продолжала Ольга. - Это ты, Марчелло, довел меня до этого своим равнодушием, и ты, если в твоей бесчувственной душе сохранились остатки совести, будешь испытывать мучения худшие, чем те, что я испытываю сейчас, и когда-нибудь поймешь, что бездействие является искаженной формой действия, а отсутствие внимания - это своего рода внимание, и когда наступит этот день...

- Ольга, - перебил ее Поллетти.

- Да? - спросила она; ее голос был едва слышен на фоне дыхания Чейн-Стокса.

- Извини меня, но я забыл получить в аптеке твое снотворное по рецепту.

Ольга грациозно встала с пола, взяла сигарету со столика и закурила. Она глубоко затянулась, выпустила к потолку облако дыма и спросила:

- Марчелло, почему ты все время забываешь выполнять мои просьбы? Вчера ты проходил мимо аптеки.

Поллетти наморщил лоб. Он всегда восхищался способностью Ольги выходить из самой неловкой ситуации без малейшего смущения.

"...а в соревнованиях специальных бронированных автомобилей "Астон-Мартин Вулкан-5" первым добился исключительно точного и поразительно удачного попадания в фаворита состязаний "Мерседес-Бенц Мертвая Голова-32"".

Ольга подошла к вазе с искусственными розами и несколькими легкими умелыми движениями создала отвратительную композицию из цветов. Она почти все делала с блеском, несмотря на то, что делала почти все не так, как следует.

- Марчелло, - ее голос звучал игриво и небрежно, как всякий раз, когда Ольга начинала говорить о самых серьезных проблемах, - почему бы нам не пожениться? Это было бы так хорошо, честное слово, Марчелло, очень хорошо.

- Я женат, - ответил Поллетти.

- Но если бы ты не был женат?

- Тогда мы смогли бы рассмотреть этот вопрос с более реалистической точки зрения, - заметил Поллетти с осторожностью, приобретенной за двенадцать лет, прожитых с одной и той же любовницей.

Ольга печально улыбнулась и стала подниматься по лестнице, ведущей на террасу. На верхних ступенях она остановилась.

- У меня создалось впечатление, что ты больше не женат. Ведь ты уже получил извещение о расторжении брака, правда, Марчелло?

- К сожалению, не получил, - ответил Поллетти серьезным, честным и мужественным тоном, к которому прибегал, когда требовалось очень правдоподобно солгать. - В таких вещах нельзя торопить власти. Да и вообще брак могут не расторгнуть.

- Но его уже расторгли! Признайся. Марчелло отвернулся и принялся играть со своей маленькой электронной обезьянкой. Она напоминала ему его самого. На телевизионном экране демонстрировали третий круг состязаний на выбывание в групповых рукопашных схватках: по шесть человек с рапирами и в кожаных доспехах с каждой стороны. Испанцы, по-видимому, одерживали верх над немцами.

Ольга поднялась еще на одну ступеньку и подошла к тяжелой терракотовой вазе, которую поставила здесь накануне. Вид этой вазы и лежавшего на тахте Поллетти почему-то привел ее в ярость.

- Скотина! Свинья! Буйвол! - закричала она, схватила вазу и швырнула вниз.

Поллетти даже не пошевелился. Ваза пролетела в дюйме-двух от его головы и разбилась. Бедняжка всегда промахивалась. Ей не везло: с попаданием в цель, с преданной любовью, мужьями, свиданиями, встречами со своим психоаналитиком - ей не везло всегда. Доктор Хоффгауэр сказал ей, что она является ярко выраженной мазохисткой, пытающейся компенсировать стремление к самоуничтожению псевдоспонтанными садистскими действиями, которые, разумеется, никогда не осуществляются благодаря ее явно выраженной жажде смерти. Это очень плохо. Однако, напомнил доктор, Поллетти

находится в еще худшем положении, поскольку его жажда смерти не смягчается, по-видимому, импульсами садизма, помогающими удержать ее в разумных рамках.

"Международный час Охоты" закончился, и таймер выключил телевизор. Поллетти, спокойный обладатель ничем не ограниченной гипотетической жажды смерти, встал, смахнул с головы терракотовую пыль и пошел к двери.

- Куда ты собрался? - строго спросила Ольга.

- Подышу свежим воздухом, - ответил Поллетти.

- Тогда возьми меня с собой.

- Не могу. Я иду в клуб охотников. Туда пускают только зарегистрированных охотников или жертв. - Туда можно заходить всем!

- Только не в зал номер один, он лишь для членов клуба, - возразил Поллетти, - а я направляюсь именно туда.

- Но ведь ты только что заявил, что хочешь подышать свежим воздухом.

- Совершенно верно. После того, как подышу свежим воздухом, я пойду в клуб.

- Свинья! - крикнула Ольга.

- Час! - ответил Поллетти и вышел на улицу.

Глава 10

- Передвижная камера один вызывает Центральную. Вы слышите меня. Центральная, вы слышите меня? Прием.

- Слышу вас хорошо, - ответил Мартин. Это он был Центральной. Едва ли не первое, что они сделали после прибытия в Рим, - организовали командный пункт. Ему всегда хотелось этого - иметь командный пункт, в котором он будет главным под кодовым наименованием "Центральная". И вот он осуществил свою мечту: в его распоряжении находилось радио и телевизионное оборудование стоимостью в четверть миллиона долларов, размещенное в углу бального зала Борджиа. Он сидел среди этого оборудования с микрофоном в одной руке и сигаретой в другой, с наушниками на голове и был очень доволен.

- Докладывает передвижная камера два. Но мне не о чем докладывать.

- Тогда продолжайте действовать, как раньше, - строго распорядился Мартин.

Танцовщицы ансамбля "Рой Белл", закончив очередную репетицию, отдыхали на сцене, пили черный кофе и обсуждали различные способы предохранения ногтей от трещин. Кэролайн читала книгу об уходе за

коккер-спаниелями. Положив книгу, она подошла к командному посту Мартина.

- Передвижная камера три включается.

- Вы хотите сказать: докладывает, - поправил Мартин.

- Извините. Передвижная камера три докладывает о том, что докладывать не о чем.

- Понятно, - коротко бросил Мартин, затягиваясь сигаретой и вытирая лоб.

Наушники немилосердно жали ему уши, но он не собирался снимать их из-за такой мелочи. Ерунда, Мартин знал, что другим приходилось выдерживать кое-что похуже.

- Докладывает передвижная камера четыре. Послушай, Мартин, как относительно...

- Не Мартин, - перебил Мартин. - Мой позывной "Центральная".

Он раздраженно покачал головой. Это был Чет. По-видимому, он недоволен, что ему приходится работать в качестве наблюдателя, к тому же четвертого. Но это было необходимо, иногда такое в жизни случается. К тому же Чет не должен был пользоваться преимуществами их двенадцатилетней дружбы и фамильярно обращаться к нему по имени, особенно после того, как Мартин разъяснил всем необходимость использования позывных в подобной операции.

- Докладывайте, передвижная четыре! - рявкнул Мартин.

- Не о чем докладывать. Центральная, - сообщил Чет. - Передвижная камера четыре просит разрешения сделать перерыв на обед.

- В разрешении отказано, - твердо заявил Мартин.

- Но послушайте. Центральная, у меня не было времени даже на завтрак...

- А вот чтобы арендовать Колизей, время нашлось, - заметил Мартин.

- Послушай, я ведь уже все объяснил. Я не собирался...

- В просьбе отказано! - завопил Мартин. И более спокойным голосом добавил:

- Я чувствую, что сейчас должно что-то произойти. В такой обстановке отпустить вас на обеденный перерыв не могу, передвижная четыре, никак не могу.

- Ну хорошо, - ответил Чет, или передвижная четыре. - Буду вести наблюдения до тех пор, пока не поступят иные указания. Связи конец. То есть, я хочу сказать, конец связи.

Мартин судорожно сжал микрофон. Господи, как он ненавидел легкомыслие, разболтанность, фамильярность, неповиновение и все такое! До сегодняшнего дня он не задумывался над этим, но теперь,

когда он возглавил доверенную ему операцию, положение изменилось. Он даже немного сочувствовал мистеру Фортинбрасу.

- Смотри-ка, сколько здесь всякого оборудования, - произнесла Кэролайн голосом, в котором полностью отсутствовал интерес.

- Это только самое необходимое, - пояснил Мартин. - Нельзя руководить такой крупной операцией с помощью двух консервных банок и куса бечевки.

Он попытался мужественно затянуться сигаретой, но обнаружил, что раздавил ее, когда стиснул микрофон. Он достал другую сигарету, закурил и мужественно затянулся.

- Что это за прибор слева? - спросила Кэролайн.

Мартин не имел ни малейшего представления, но сразу же ответил:

- Это многофазовый реостат переменной нагрузки.

- Вот как? - произнесла Кэролайн. - Он играет важную роль?

Мартин широко улыбнулся, и на его лице появилась мужественная улыбка.

- Важную? Да вся эта панель, собранная на скорую руку, разлетится на части без многофазового реостата. Так что я действительно назвал бы его важной частью всей системы.

- А почему панель может разлететься на части? - не унималась Кэролайн.

- Главным образом из-за непостоянства фактора резонанса линейного напряжения, - объяснил Мартин. - Вообще-то здесь имеет место очень интересное физическое явление. Если интересно, я мог бы объяснить подробнее.

- Не стоит, - сказала Кэролайн. Мартин кивнул. Иногда ему казалось, что он может покорить весь мир.

- Говорит передвижная камера один! - послышался вопль в наушниках. - Объект выходит из дома! Повторяю, объект...

- Не повторяйте, я понял, - произнес Мартин. - И не кричите так в микрофон, а то я оглохну.

- Извините, Центральная. Просто после стольких часов ожидания я взвинчен до предела.

- Ну хорошо, хватит. Другие группы заметили его?

- Докладывает передвижная камера четыре. Я вижу его.

- Докладывает передвижная камера три. Объект нами не замечен.

- Передвижная камера два: то же самое.

- Что значит "то же самое"?! - рявкнул Мартин.

- То же, что у передвижной камеры три. То есть я тоже не вижу объекта.

- Все в порядке, - вздохнул Мартин. - Камеры два и три, оставайтесь на месте. Передвижная камера один, вам нужно...

- Вызывает Си Кью, вызывает Си Кью, - послышался в наушниках Мартина четкий, ясный голос.

Мартин никогда не слышал этого голоса, очень удивился и тут же заподозрил шпионаж или контрразведку.

- В чем дело? - ответил он быстро.

- Привет, - послышался голос. - Это станция 322024321, зовут меня Боб, мне тринадцать лет, я веду передачу по любительскому каналу из Веллингтона, Новая Зеландия, с помощью реконструированного передатчика "Хаммарлунд ЗВВС21", работающего через восьмидесятифутовую антенну типа "Аркейн" с механическим приводом, снабженную устройством Дормейстера, использующим принцип узкого луча, отражающегося от слоев стратосферы. Я буду рад вести радиопереговоры со всеми коллегами-радиолюбителями, хотя особенно интересуюсь радиолюбителями из Бухары, Каира и Мукдена, с которыми хочу обменяться позывными и вообще поболтать. Как слышите меня? За последнее время у меня возникли трудности с устройством Дормейстера, но мне кажется, что причиной являются возмущения на Солнце. Прием.

- Немедленно покиньте эту частоту! - разъяренно заорал Мартин.

- У меня не меньше прав на радиосвязь, чем у вас, - с достоинством ответил 322024321.

- Вы влезли на специально выделенную коммерческую частоту, - заявил Мартин, - и глушите меня в критически важный момент. Прием.

Наступила короткая пауза.

- Извините, мистер, вы правы! Мой ЗВВС21 - отличный передатчик, но иногда уходит с установленной частоты. Это объясняется главным образом тем, что я не мог позволить себе приобрести настоящие детали. Прошу прощения, мистер, вы уж извините меня. Прием.

- Ничего страшного, я сам когда-то был мальчишкой. А теперь, пожалуйста, покиньте мою частоту. Прием.

- Ухожу с вашей частоты. Извините, мистер, надеюсь, вы не станете никуда сообщать об этом недоразумении. Прием.

- Не буду, если вы сейчас же уйдете с этой частоты. Прием.

- Ухожу, мистер. Большое спасибо. Скажите, как было меня слышно? Прием.

- Слышно было отлично. Конец связи, - ответил Мартин.

- Спасибо, сэр. Конец связи.

- Конец связи, - повторил Мартин.

- Конец связи, - тут же отозвалась первая передвижная камера.

- Нет, не с вами! - воскликнул Мартин.

- Но вы сказали...

- Не имеет значения, что я сказал. Как там с объектом?

- Вижу его, - сообщила первая передвижная камера. - Он идет по Виа Кавур... подошел к ее пересечению с Виадей Фори Империали... остановился... Черт побери! Его загородил от меня автобус.

- Докладывает передвижная камера четыре, - заговорил Чет. - Вижу его. Он все еще стоит на углу. Руки в карманах, и плечи опущены. Он смотрит вверх, очень пристально...

- На что? - выкрикнул Мартин.

- На облако, - сообщила передвижная камера четыре. - Больше на небе ничего нет.

- С чего бы это ему смотреть на облако? - спросил Мартин у Кэролайн.

- Может быть, ему нравятся облака, - пожала плечами Кэролайн.

- Докладывает передвижная камера три. Я вижу его, Центральная! Объект идет по улице с неразборчивым названием в направлении на северо-северо-восток, пересекает Форум Траяна, который был спроектирован Аполлодорусом из Дамаска и отлично сохранился после тысячи восьмисот лет различных злоключений.

- Передавайте мне только те сведения, которые относятся к делу, передвижная камера три, - потребовал Мартин. - Но мне нравится ваше рвение.

- Докладывает передвижная камера три. Вижу его! Эта улица с неразборчивым названием - Виа Куаттро Новембре. Объект остановился приблизительно в тридцати семи ярдах от Санта Мария ди Лорето.

- Принято, - сказал Мартин.

Быстро повернувшись к огромной настенной карте Рима и окрестностей, он провел жирную черную линию, отметив маршрут Подлепи, и пунктиром красного цвета набросал возможные направления его движения.

- Докладывает передвижная камера один. Вижу объект. Он все еще стоит на месте.

- Что он делает? - спросил Мартин.

- Мне кажется, чешет нос.

- Надеюсь, вы уверены в достоверности своих докладов, - зловещим голосом произнес Мартин.

- Передвижная камера два докладывает. Мы подтверждаем сведения передвижной камеры один. Объект, видимый через бинокль фирмы "Цейсс" 8x50, установленный на треноге, действительно почесывает нос... Дополнительные данные: объект только что прекратил указанное действие.

- Докладывает передвижная камера два. Объект снова двигается в направлении к северу по Виа Пессина к перекрестку с Виа Сальваторе Томмаса.

Мартин снова повернулся к карте, сердито посмотрел на нее, прищурился и вернулся к микрофону.

- Не могу обнаружить на карте этих улиц, передвижная камера два. Сообщите названия еще раз.

- Слушаюсь. Объект идет... Извините, Центральная, кто-то положил передо мной не ту карту. Улицы, которые я называл, находятся в Неаполе. Не могу представить, как это могло случиться...

- Успокойтесь, - произнес Мартин. - Сейчас не время для паники. Кто-нибудь видит его?

- Си Кью, Си Кью, вызывает Си Кью, это 32ZOZ4321...

- Вы снова сбились со своей частоты! - завопил Мартин.

- Прошу прощения, - произнес 32ZOZ4321. - Конец связи.

- Докладывает передвижная камера четыре.

Он свернул на Виа Бабуина.

- Как он мог попасть туда? - спросил Мартин, посмотрев на карту. - У него что, крылья или еще что-то?

- Вношу поправку. Я имел в виду Виа Барберини.

- Принято. Но как он попал в тот район?

- Докладывает передвижная камера один. Объект подвез маленький толстый лысый мужчина, сидевший за рулем синего автомобиля марки "Альфа-Ромео", модель XXV-1, с открывающимся верхом, тройными хромированными выхлопными трубами и турбонаддувом Моррисона - Чалмерса. Объект и маленький толстый лысый мужчина казались друзьями или по крайней мере знакомыми. Они подъехали к площади Испании, где объект вышел из машины.

- Иногда они двигаются очень быстро, - пробормотал себе под нос Мартин, помечая на карте новые координаты объекта.

- А что после этого делал маленький толстый лысый мужчина? - произнес он в микрофон.

- Он уехал в направлении Виа Венето.

- Кто-нибудь следит сейчас за объектом?

- Докладывает передвижная камера два. Я вижу его. В данный момент он стоит прямо перед или, точнее, слегка слева от здания "Американ Экспресс".

- Что он делает?

- Смотрит на плакат в витрине. Плакат представляет собой рекламу туристической поездки в Грецию, конкретно: Афины, Пирей, Гидра, Корфу, Лесбос, Крит...

. - Греция! - простонал Мартин. - Он не имеет права так меня подвести. Я ничего там не подготовил. Нам придется...

- Докладывает передвижная камера четыре.

Объект двигается вновь. Он прошел несколько ярдов и сидит теперь на ступеньках Испанской лестницы.

- Вы уверены в этом? - быстро спросил Мартин.

- Абсолютно. Он сидит на седьмой снизу ступеньке и с подчеркнутым вниманием смотрит на двух блондинок, расположившихся соответственно на пятой и четвертой ступеньках.

- Он хитрее, чем кажется с первого взгляда, - произнес Мартин. - Теперь никто не ходит к Испанской лестнице. Неужели он пытается...

- Докладывает передвижная камера три! Объект встал и пересекает площадь Испании... Я потерял его из виду. Нет, вот он. Теперь объект на Виа Маргумма, прошел примерно половину квартала, остановился и вошел в здание.

- Что за здание?! - крикнул Мартин.

- Клуб охотников, - сообщила третья камера. - Нужно ли мне следовать за ним?

Кэролайн следила за поисками, глядя на экран монитора. Теперь она взяла микрофон из рук Мартина и скомандовала:

- Всем передвижным камерам оставаться на местах! Я сама найду его в клубе охотников. - По-твоему, это правильный шаг? - спросил ее Мартин.

- Может быть, и нет, - заметила Кэролайн, - зато интересный.

- Послушай, беби, этот парень вооружен и опасен.

- И очень привлекателен, - добавила Кэролайн. - Я хочу лично посмотреть, что представляет собой этот Поллетти.

- Мистеру Фортинбрасу это может не понравиться, - сказал Мартин.

- Мистеру Фортинбрасу не нужно никого убивать, - бросила Кэролайн. - А мне придется.

Ответить на такое замечание было нечего. Когда Кэролайн вышла из зала, Мартин пожал плечами. Затем он мужественно усмехнулся и устало откинулся на спинку вращающегося кресла. Ему приходится иметь дело с примадоннами и неумелыми сотрудниками - людьми, которым не по силам выбраться из бумажного мешка, не говоря уж о том, чтобы решать сложные задачи. Он должен сам заботиться обо всем. И что получает в награду? Ничего! Совершенно ничего, кроме удовлетворения от хорошо выполненной работы.

- Всем передвижным группам! - передал Мартин. - Приступайте к выполнению плана "Изи Бейкер", повторяю, плана "Изи Бейкер". Конец связи.

Он встал и пошел прочь от передатчика, все еще мужественно улыбаясь. Потухшая сигарета свисала из угла его рта.

Танцовщицы ансамбля "Рой Белл" давно уехали, и огромный бальный зал был пуст. Передатчик тихо жужжал, затем что-то щелкнуло. Прошло несколько секунд, и из приемника послышался голос:

- Говорит 322024321, вызываю Си Кью. Меня зовут Боб. Слышит меня кто-нибудь?

В огромном зале царила тишина, в нем никого не было.

Глава 11

Римский клуб охотников размещался в изящном здании неовенецианского стиля. Поллетти вошел, миновал холл и поднялся на лифте на третий этаж. Здесь он подошел к двери, на которой висела табличка: "Вход только членам клуба (мужчинам)". Это было одно из немногих мест в Риме, где мужчина мог сбросить напряжение, покурить, почитать газеты, поговорить, обсудить различные проблемы Охоты и даже выспаться, будучи уверенным, что в помещение неожиданно не ворвется его жена. Более того, мужчина всегда мог заявить, что провел время здесь, - неважно, где он находился на самом деле. В помещении не было телефонов, а лояльность члены клуба считали величайшей из добродетелей.

Охотники-женщины постоянно жаловались на это стремление мужчин к уединению и обособленности, поэтому клуб выделил и для них собственное помещение на первом этаже, на двери которого красовалась надпись: "Вход только членам клуба (женщинам)". Это их не удовлетворило вообще-то, но, как однажды заметил Вольтер, что может удовлетворить женщину?

Поллетти опустился в удобное кресло и ответил на приветствия шести-семи друзей. Их интересовало, как происходит Охота, и Поллетти совершенно откровенно ответил, что не имеет ни малейшего представления.

- Это плохо, - констатировал Витторио ди Люкка, седой миланец, на счету которого было восемь убийств. - Может быть, - ответил Поллетти и добавил:

- Но я все-таки еще жив. - Действительно, - согласился Карло Савицци, толстый молодой мужчина, который учился с Поллетти в школе. - Но это вряд ли твоя заслуга, правда?

- Пожалуй, ты прав, - сказал Поллетти. - Однако едва ли я могу что-нибудь предпринять.

- Ты много чего можешь сделать, - заявил здоровенный широкоплечий старик с поседевшими черными волосами и лицом, напоминавшим плохо выдубленную кожу.

Поллетти и остальные замолчали. Этот старик был Джулио Помбелло - единственный, сумевший достичь цифры "десять" охотник, которым мог сейчас похвастаться Рим. К охотнику, убившему десять соперников, следовало относиться с уважением, даже если он нес чепуху, что обычно и делал старый Помбелло.

- Прежде всего нужно организовать оборону, - произнес Помбелло, взмахнув правой рукой, словно защищаясь. - Существует немало схем надежной обороны, равно как и много отличных тактических схем их преодоления охотниками. Разумеется, главным является правильный выбор; жертва не должна прибегать к тактике охотника, равно как и охотник допустит ошибку, полагаясь на оборону. Вы считаете это правильным или я ошибся в оценке ситуации?

Раздался шепот, выражавший единодушное мнение, что слова маэстро (Помбелло нравилось, когда его так называли) верны и удивительно точно соответствуют действительности. Но в глубине души у каждого появилось страстное желание, чтобы Помбелло лишился дара речи или был немедленно вызван по телефону, к примеру, на Корсику.

- Таким образом, мы разложили проблему на составные элементы, - продолжал маэстро. - Вот ты, Поллетти, жертва, поэтому нуждаешься в защите. Нет ничего проще. Нам остается решить, какие из наиболее надежных методов защиты лучше всего использовать в твоем случае.

- Вообще-то я не слишком стремлюсь к защите, - заметил Поллетти. - Да и о нападении как-то не очень задумывался, - добавил он, помолчав. Маэстро привычно не обратил ни малейшего внимания на его слова, поскольку всегда игнорировал высказывания собеседников. - Лучше всего, - заявил он, - если ты возьмешь на вооружение метод глубинной последовательности концентрических полей Хартмана.

Присутствующие одобрительно закивали. Старый Помбелло действительно неплохо разбирался в Охоте и имел в этом деле глубокие познания.

- Что-то не припомню такого метода, - возразил Поллетти.

- В нем нет ничего сложного, и разобраться в этом методе очень просто, - произнес маэстро. - Сначала выбираешь большую деревню или, может быть, город. Следует предварительно убедиться, что ни твой охотник, ни его родственники не живут там, в противном случае оборона утрачивает свою эффективность. Но отыскать нужный город не так уж сложно.

- Это верно, - вмешался Витторио. - Как раз на прошлой неделе я читал...

- Отыскав такой город, - невозмутимо продолжал маэстро, - ты селишься там и живешь в течение недели или месяца, пока твой охотник не узнает, где ты находишься. И как только он решает нанести удар, ты убиваешь его. Проще некуда.

Все дружно закивали в знак согласия.

- А что, если охотник найдет меня первым, или сумеет подкрасться, предварительно переодевшись, или...

- А-а, я упустил из виду решающую деталь метода глубинной последовательности концентрических полей Хартмана. - Маэстро улыбнулся своей рассеянности. - Охотник не сможет найти тебя первым, какой бы искусной ни была его маскировка. Не сможет он и подкрасться незамеченным. Стоит ему появиться в городе - и он в твоих руках.

- Почему? - спросил Поллетти.

- А потому, - пояснил маэстро, - что ты предварительно заплатишь каждому мужчине и ребенку в городе, каждой женщине, и они станут твоими наблюдателями; более того, ты обещаешь премию тому, кто первым обнаружит охотника. Остроумно, правда? Вот и все. - Маэстро откинулся на спинку кресла, самодовольно улыбаясь. Среди присутствующих послышался одобрителный шепот.

- Значит, нужно заплатить всем мужчинам, женщинам и детям, живущим в городе, - произнес Поллетти. - Но для этого потребуется немало денег. Даже если город совсем небольшой или деревня с тысячей обитателей, понадобится...

Маэстро нетерпеливо махнул рукой.

- Думаю, нужно будет заплатить несколько миллионов лир. Но что такое деньги по сравнению с жизнью?

- Ничего, - согласился Поллетти. - Но у меня нет нескольких миллионов лир.

- Это печально, - заметил маэстро. - Последовательность Харгмана является, по моему мнению, лучшей системой защиты от любого охотника.

- Может быть, если удастся получить кредит...

- И все-таки не следует впадать в отчаяние, - подбодрил его маэстро. - Мне кажется, я припоминаю, что статическая защита Карра показала себя с лучшей стороны, хотя сам я никогда не прибегал к ней.

- Как раз на прошлой неделе я читал о ней, - вступил в разговор Витторио. - При статической защите Карра ты запираешься в комнате, полностью сделанной из стали; у тебя есть источник кислорода, вода, получаемая по замкнутому циклу, большой запас продовольствия и

книг. Фирма "Аберкромби и Фитч" продает полный комплект, причем стены выполнены из трехдюймовой гиперстойкой стали, безусловно, гарантированной от любых внешних вторжений вплоть до ядерного взрыва мощностью в мегатонну.

- Я смогу купить такую комнату в рассрочку? - спросил Поллетти.

- Сможешь, пожалуй, - сказал Карло. - Но должен предупредить тебя, что компания "Фортнум и Мейсонс" пустила в продажу мультивол-новой вибратор, гарантирующий уничтожение всего живого, находящегося внутри такой комнаты. - Он вздохнул и потер лоб. - Именно это случилось с моим несчастным кузеном Луиджи в самый первый раз, когда он был жертвой.

Раздался шепот сожаления.

- Что касается меня, - произнес маэстро, - мне никогда не нравилась статическая защита. Она слишком статическая; ей не хватает гибкости. А вот мой племянник воспользовался однажды очень любопытной защитой, основанной на открытости.

- Никогда не слышал о таком методе, - покачал головой Поллетти.

- Вообще-то это восточная форма защиты, - пояснил маэстро. - Японцы называют ее "неуязвимость, основанная на кажущейся уязвимости". Китайцы говорят о ней как о "сантиметре, вмещающем десять тысяч метров". По-моему, у нее есть и индийское название, только сейчас я не могу припомнить его.

Наступило молчание. Все ждали. Наконец маэстро сказал:

- Ладно, название не имеет значения. Суть этой защиты, как объяснил мне племянник, заключается в открытости. Да, в открытости!

Все закивали и подались вперед.

- Для своей защиты мой племянник арендовал несколько квадратных миль пустыни в Абруцци, заплатив до смешного мало. В середине этого участка он установил палатку, откуда мог видеть все на несколько миль вокруг. Взял напрокат у одного из своих друзей радиолокационную установку и купил у торговца подержанным оружием батарею зенитных орудий. Ему даже не пришлось платить за оружие наличными: он просто обменял их на свой автомобиль. По-моему, он где-то нашел прожекторы и в течение двух дней сумел установить все. Ну как, Марчелло, а?

- Весьма хитроумно, - задумчиво произнес Поллетти. - Похоже, что это действительно надежная защита.

- И мне так казалось, - кивнул маэстро. - К сожалению, охотник, преследовавший моего племянника, проявил коварство, купил у фирмы "Арамко", торгующей излишками военного имущества, землеройную машину, прокладывающую туннели, пробил подземный ход прямо под палатку племянника и взорвал его.

- Да, это очень печально, - вздохнул Витторио.

- Какой удар для всей нашей семьи! - произнес маэстро. - Однако сама идея разумна. Видишь, Марчелло, если ты воспользуешься ею, слегка модернизируешь - ну, скажем, возьмешь в аренду участок, расположенный на гранитном плато вместо песчаной равнины, установишь сейсмографическое оборудование, - такая защита может оказаться весьма эффективной. Разумеется, у нее останутся определенные недостатки: старые зенитные орудия не смогут устоять против современных ракетопланов. К тому же охотник может купить гаубицу или танк, и в таком случае достоинства принципа открытости защиты станут его недостатками.

- Это верно, - согласился Поллетти. - К тому же я вряд ли успею вовремя все подготовить.

- А как ты относишься к засаде? - спросил Витторио. - Я знаю несколько отличных схем засад. Лучшие из них требуют много времени на подготовку и денег, разумеется.. .

- У меня нет денег. - Поллетти встал. - Да и времени, по-видимому, тоже. Но мне хочется поблагодарить всех за предложения, в особенности вас, маэстро.

- Не стоит, не стоит, - ответил маэстро. - Так что же ты собираешься предпринять?

- Ничего, совершенно ничего, - сказал Поллетти. - В конце концов, следует оставаться верным своей природе.

- Марчелло, ты сошел с ума! - воскликнул Витторио.

- Отнюдь нет. - Поллетти остановился в дверях. - Я просто пассивен. До свидания, джентльмены, желаю хорошо провести вечер.

Он вежливо поклонился и вышел. Оставшиеся некоторое время молчали, глядя друг на друга с выражением ужаса и жалости.

- У него появилась жажда смерти, - заявил наконец маэстро. - Это, по моему мнению, типичное душевное состояние римлян, против которого нужно бороться всеми силами. Симптомы этого заболевания совершенно очевидны для опытного глаза; они заключаются в следующем - присутствующие слушали его, устремив перед собой тупые, бессмысленные взгляды. Витторио страстно желал, чтобы великого старца сбил автомобиль, желательно "Кадиллак", и чтобы старик провел следующие год или два на больничной койке. Карло заснул с широко открытыми глазами, но даже в этом состоянии он ухитрялся бормотать "гм-м" всякий раз, когда маэстро делал паузу, и даже затягивался сигаретой. И никто не знал, как он это делает.

Кэролайн посмотрела на часы. Ручные часы "Дик Трэси" со встроенным радио были семейной реликвией, переходившей от одного поколения Мередитов к другому. Ей предлагали сменить часы, приобрести новые, поменьше размером, более совершенные, более надежные в эксплуатации. Но Кэролайн категорически отказывалась расстаться с дорогой сердцу вещью. Шли они прекрасно, к тому же Кэролайн испытывала к часам сентиментальную привязанность.

- Мартин, - прошептала она в часы, - что значит "Беллеца ли Адам"?

- Одну минуту, сейчас узнаю. - Голос Мартина едва доносился из крохотного динамика часов. Ответ последовал почти сразу:

- Чет говорит, что это значит "Косметический кабинет Адама", вроде тех, что есть у нас в Нью-Йорке. Он говорит, что Поллетти заходит сюда каждые два дня, чтобы побрить кисти. После этого он обедает в баре или выпивает коктейль.

- Чет знает очень много, - заметила Кэролайн.

- Совершенно верно, - согласился Мартин. - Между прочим, есть люди, которые считают, что он знает слишком много. Но почему ты спрашиваешь об этом Адаме?

- Потому что сейчас там находится Поллетти, - объяснила Кэролайн.

- Я подошла к клубу охотников в тот самый момент, когда он выходил на улицу, и дошла с ним до "Адама". Однако женщинам неприлично заходить в мужской косметический кабинет, правда?

- Да, по крайней мере в тот, где бреют кисти. Но бар открыт для всех посетителей.

- Отлично, - ответила Кэролайн. - Я зайду в бар и взгляну на него.

- Ты считаешь это необходимым? - спросил Мартин. - Я хочу сказать, может быть, это не так уж необходимо. У нас появились кое-какие соображения относительно того, как заманить этого парня завтра утром в Колизей.

- Я хорошо знакома с вашими соображениями, - произнесла Кэролайн, - и, если говорить откровенно, не принимаю их всерьез. Я сама приведу Поллетти. К тому же мне хочется взглянуть на него поближе. И, если удастся, познакомиться с ним.

- Зачем?

- Затем, что так будет гораздо приятнее, - ответила Кэролайн. - За кого ты меня принимаешь, Мартин? За патологического убийцу? Мне хочется знать человека, которого я убиваю. Это цивилизованный способ, и он мне нравится.

- О'кей, беби, ты играешь главную роль. Но будь осторожна: он может прикончить тебя раньше, чем ты его. Ты шутишь с огнем. - Да, я знаю. Но в этом и заключается особый интерес.

Кэролайн выключила часы-радио и вошла в "Беллеца ди Адам". Она миновала кабинет, где бреют кисти, и в баре-закусочной сразу увидела Поллетти. Он только что закончил обедать и теперь сидел в кресле с чашкой кофе и журналом комиксов. Кэролайн села за соседний столик, заказала тарелку тушеного мяса с водорослями по-милански, достала сигареты, поискала спички в сумочке и обернулась к Поллетти со смущенной улыбкой.

- У меня, похоже, нет спичек, - произнесла она извиняющимся тоном.

- Попросите официанта, он принесет, - ответил Поллетти, не отрываясь от комиксов. Он увлеченно хихикал и быстро перелистывал страницы, торопясь узнать, чем кончается история в картинках.

Кэролайн нахмурилась. Она выглядела очаровательно, когда хмурилась, как, впрочем, и в любое другое время. Однако ее красота не производила впечатления на мужчину, который прилип к своим комиксам. Она вздохнула и вдруг заметила, что на каждом столе стоит телефон. Загадочно улыбнувшись - это ей всегда удавалось великолепно, - Кэролайн набрала номер столика Поллетти.

Однако Поллетти, казалось, не замечал звонившего телефона. Наконец он обернулся и посмотрел прямо на Кэролайн.

- Я ведь сказал вам, что Официант принесет спички.

- Видите ли, я просто хотела поговорить с вами, - ответила Кэролайн, очаровательно краснея. - Дело в том, что я американка и хочу познакомиться с мужчиной-итальянцем.

Поллетти сделал рукой небрежный жест, словно говоря, что Рим полон мужчин-итальянцев, и снова склонился над журналом.

- Меня зовут Кэролайн Мередит, - вкрадчиво произнесла Кэролайн.

- Ну и что? - Поллетти по-прежнему не отрывался от комиксов. Кэролайн не привыкла к такому обращению, но тем не менее продолжала:

- Вы свободны сегодня вечером?

- По-видимому, сегодня вечером я буду мертв, - ответил Поллетти.

Он достал из кармана карточку и, не поднимая головы от журнала, протянул Кэролайн.

На карточке было написано: "ОСТОРОЖНО! Я ЖЕРТВА!". Это было стандартное предупреждение, напечатанное на шести языках.

- Господи Боже мой! - воскликнула Кэролайн. - Вы жертва и сидите так спокойно, не прячетесь. Поразительно смелый поступок!

- А я ничего не могу предпринять, - ответил Поллетти. - У меня нет денег, чтобы защищаться.

- А вы не могли бы продать свою мебель? - спросила Кэролайн.

- Ее увозят, - сказал Поллетти. - Я не смог выплатить взносы. - Он перевернул страницу, и на его лице появилась широкая улыбка.

- Ну что вы, - заметила Кэролайн, - должен же быть какой-то выход...

Вдруг раздался какой-то шум, и Кэролайн умолкла. В бар вбежал маленький мужчина с лицом, как у крысы. Он пересек зал и остановился у стены. Он был так чем-то напуган, что у него тряслись даже бакенбарды. Через несколько мгновений появился еще один, очень высокий и худой. Его длинное морщинистое лицо было настолько обветренным, что напоминало цветом перуанское седло. На нем была очень большая белая шляпа, узкий черный галстук, кожаный жилет, джинсы и ковбойские сапоги. А по бокам висели два револьвера системы "кольт" в открытых кобурах.

- Ну что ж, Блэки, - вкрадчиво произнес высокий. - Вижу, нам довелось встретиться снова.

- Действительно, - согласился мужчина с крысиным лицом.

Его бакенбарды перестали дрожать, однако страх не исчезал с неприятного лица.

- Я думаю, - продолжал высокий мужчина, - что мы можем решить нашу маленькую проблему прямо здесь, раз и навсегда.

Кэролайн, Поллетти и остальные посетители немедленно полезли под столы.

- Но нам нечего решать, Дюк, - дрожащим голосом ответил маленький мужчина. - Абсолютно нечего.

- Ты так считаешь? - произнес худой как палка Дюк. Притворная вкрадчивость его голоса уже никого не могла обмануть. - Ну что ж, может быть, у нас просто различные представления о жизни. Я, например, слишком старомоден и не люблю, когда через мое лучшее пастбище прокладывают железную дорогу, а моя невеста выходит замуж за хилого бостонского банкира с крысиными бакенбардами и медовой речью, который к тому же выигрывает все мои деньги в карты, которые, между прочим, крапленые. Вот как я смотрю на жизнь, Блэки, и потому стараюсь предпринять что-то, чтобы исправить положение.

- Подожди, Дюк! - взмолился Блэки. - Я все объясню!

- Хватит, - произнес Дюк. - Ну ты, трусливый умник, берись за оружие!

- Дюк, пожалуйста! У меня ведь даже нет револьвера!

- Вижу, мне не остается ничего иного, как первым взяться за него.

Правая рука Дюка начала опускаться к рукоятке "колты".

В это мгновение бармен оправился от испуга и закричал:

- Нет, сэр, нет! Только не здесь!

Дюк обернулся и нарочито вежливо ответил:

- Сынок, советую тебе не совать свой длинный нос в чужие дела; в противном случае какой-нибудь очень нервный гражданин может оторвать его.

- Я совсем не хочу вмешиваться в ваши личные дела, сэр, - с достоинством произнес бармен. - Мне просто хочется сообщить вам, что в нашем баре убивать запрещено.

- Послушай, мальчуган. - Мягкость исчезла из голоса незнакомца. - Я являюсь официально утвержденным охотником, а эта дрожащая крыса, вон та, - моя официально одобренная жертва. Мне пришлось потратить немало времени и пойти на хитрости, чтобы добиться этого, но теперь все бумаги оформлены должным образом, так что прошу тебя уйти отсюда, чтобы не попасть под пули.

- Сэр, прошу вас! - воскликнул бармен. - Я не подвергаю сомнению ваш статус охотника. Каждому с первого взгляда ясно, что вы достойный джентльмен и имеете полное право убивать. К сожалению, наш бар объявлен местом, где запрещены все убийства, юридически оформленные или нелегальные.

- Разрази меня гром! - воскликнул Дюк, не скрывая раздражения. - Сначала запрещают убивать в церкви, затем в ресторане, потом объявляют запрещенной территорией парикмахерские, и вот теперь - закусочные. Видимо, скоро наступит время, когда мужчине не останется ничего другого, как сидеть дома и ждать смерти от старости!

- Мне кажется, пока дело не так уж плохо, - произнес бармен, стараясь успокоить охотника.

- Может быть, пока, сынок, но все быстро идет к тому. Скажите, у вас не будет возражений, если я прикончу этого мерзкого хорька в переулке у черного хода?

- Мы сочтем это за честь, сэр, - ответил бармен.

- О'кей. - На лице Дюка появилась зловещая улыбка. - Блэки, у тебя есть время обратиться к Создателю в последний раз, перед тем как... А куда делся Блэки?

- Он смылся, пока вы разговаривали с барменом, - сказал Поллетти.

- Он скользкий, как уж, этот Блэки. - Дюк раздраженно щелкнул пальцами. - Ничего, я его найду.

Он повернулся и бросился к выходу. Посетители закусочной вылезли из-под столов и снова расселись по местам. Поллетти опять взялся за журнал. Бармен принялся готовить двойной мартини.

Зазвонил телефон на столе Поллетти. Он сделал жест Кэролайн, предлагая ей ответить на звонок. Довольная, что ей удалось достичь хотя бы такого уровня близости со своей загадочной жертвой, она сняла трубку.

- Алло? Минутку, пожалуйста. - Она повернулась к Поллетти. - Вызывают Марчелло Поллетти. Это вы?

Поллетти перевернул последнюю страницу журнала и спросил:

- Это мужчина или женщина?

- Женщина.

- Тогда скажите, что я только что ушел.

- Мне очень жаль, но он только что ушел, - сказала Кэролайн в трубку. - Да, совершенно верно, здесь его нет. Что значит "вы лжете"? Зачем мне лгать? Что? Как меня зовут? Это не ваше дело. А как вас зовут? Что вы сказали? И тебе то же самое, сестричка, совковой лопатой! До свидания! Что? Да, он действительно только что ушел.

Кэролайн с негодованием бросила трубку и повернулась к Поллетти. Но его кресло было пустым.

- Куда он делся? - спросила она бармена.

- Он только что ушел, - был ответ.

Глава 13

Поллетти сидел за рулем автомобиля "Бьюик-Оливетти XXV", который позаимствовал у щедрого племянника одного из приятелей своей сестры. Ему не нравился автомобиль, потому что он был ярко-пурпурного цвета, а у Поллетти этот цвет почему-то ассоциировался с брюшным тифом. И все-таки им пришлось воспользоваться, потому что только эту машину удалось достать.

В двух милях от Рима Поллетти остановился у заправочной станции. Небрежным жестом он велел наполнить бак, затем открыл дверцу и вышел из машины.

Вдруг за спиной раздался дикий визг тормозов. Поллетти стремительно обернулся - прямо на него мчался "Лотус" кофейного цвета. От неожиданности Поллетти застыл на месте.

Не снижая скорости, спортивный автомобиль обогнул его идеальным иммельманом и остановился как вкопанный. Из кабины вышла Кэролайн. Аромат ее духов пробивался сквозь запах горелой резины.

- Привет, - сказала она.

На подобное заявление можно было найти немало остроумных ответов, но Поллетти не воспользовался ни одним из них.

- Почему вы преследуете меня? - прямо спросил он. - Что вам от меня нужно?

Кэролайн подошла ближе, запах ее духов действовал на раздраженного Поллетти как парфянский мед <Алкогольный напиток,

приготавливаемый из меда и воды.>. Заметив это, он тут же вернулся в свой автомобиль.

- Вы не могли бы уделить мне пару минут? - спросила Кэролайн.

- Нет.

- Одну минуту?

- Я опаздываю, у меня нет времени, - ответил Поллетти, расплатившись со служителем и включая двигатель.

- Послушайте...

- Позвоните мне на будущей неделе. - Тогда будет слишком поздно, - заметила Кэролайн. - Видите ли, я приехала в Рим, чтобы провести исследование сексуальных привычек итальянских мужчин. Моя фирма интересуется всеми необычными явлениями... - Тогда вы обратились не по адресу, - прервал ее Поллетти.

- ... но мы, разумеется, проявляем еще больший интерес ко всем обычным явлениям, - быстро добавила Кэролайн.

Поллетти нахмурился.

- Исследование проводится в узких рамках индивидуальной специфики, разумеется, - пояснила Кэролайн. - Именно по этой причине я и заинтересовалась вами. Оно будет заключаться в телевизионном интервью в Колизее. Я буду задавать вам вопросы...

- Одному мне? - спросил Поллетти.

Кэролайн кивнула.

- Но вы сказали, что это исследование.

- Да, индивидуальное исследование, - сказала Кэролайн. - Глубокий научный анализ мужской сексуальности вместо поверхностного подхода.

Поллетти недоуменно моргнул.

- Не понимаю, почему именно я потребовался вам для этого исследования.

Кэролайн улыбнулась и опустила взгляд. В ее голосе зазвучало смущение.

- Потому что вы привлекаете меня, - сказала она. - В вас есть что-то, какая-то едва уловимая слабость, дразнящая хрупкость...

Поллетти понимающе кивнул и улыбнулся. Кэролайн протянула руку к дверце автомобиля. Поллетти мгновенно включил сцепление, и машина с ревом сорвалась с места.

Глава 14

Поллетти мчался по старой прибрежной дороге, ведущей к Чивитавеккиа. Справа от дороги тянулся бесконечный ряд кипарисов, слева - побережье, усеянное камнями. Водитель яростно давил ногой на

педаль газа "Бьюика-Оливетти XXV" и не собирался останавливаться перед каким-либо препятствием, одушевленным или нет. Тот факт, что старый автомобиль был не способен развить скорость больше тридцати одной мили в час, выводил Поллетти из себя.

Наконец он подъехал к участку побережья, огороженному забором из проволочной сетки. Над воротами красовалась надпись: "ПОКЛОННИКИ СОЛНЕЧНОГО ЗАКАТА". Появился служитель и открыл ворота с таким глубоким поклоном, что это выглядело насмешкой. Поллетти кивнул и въехал на участок.

Он затормозил перед небольшим домиком из готовых панелей. На берегу моря стояли трибуны, на которых собралось множество людей. Над морем, почти касаясь поверхности воды, висело огненно-красное солнце. Поллетти взглянул на часы. Шесть часов сорок две минуты. Он вошел в домик.

За столом сидел его компаньон Джино и что-то считал.

- Сколько на этот раз? - спросил Поллетти.

- Четырнадцать тысяч двести тридцать три посетителя, оплативших входные билеты, - ответил Джино. - И еще пять полицейских, двадцать три бойскаута и шесть племянниц Витторио - все по контрамаркам.

- Придется сказать Витторио, чтобы он сократил число племянниц, - решил Марчелло. - Я занимаюсь этим делом не ради развлечения. - Он сея на складной стул. - Значит, всего четырнадцать тысяч? Этого едва хватит, чтобы заплатить за аренду трибун.

- Не то что в прежнее время, - согласился Джино. - Помню, когда...

- Ладно, неважно, - сказал Поллетти. - Ты проверил: ни у кого нет с собой оружия?

- Конечно, - кивнул Джино. - Мне совсем не хочется видеть, как тебя прикончат во время работы.

- Мне тоже, - пробормотал Поллетти, мрачно глядя вдаль.

Наступила непродолжительная неловкая пауза.

- Уже шесть часов сорок семь минут, Марчелло, - нарушил молчание Джино.

- Неужели? - язвительно отозвался Поллетти.

- Тебе скоро выходить. Осталось меньше пяти минут. Как ты себя чувствуешь?

Поллетти молча соорудил зверскую гримасу.

- Знаю, знаю, - сказал Джино. - Ты всегда так чувствуешь себя перед выходом к аудитории. Но мы ведь можем легко справиться с этим настроением, правда? Проглоти вот это.

Он протянул Поллетти стакан воды и крошечную овальную красную таблетку. Это был лимниум, один из новых наркотиков, способных

усиливать так называемый "фактор экспансивности" в человеческой психике.

- Мне он не нужен... - запротестовал Поллетти, однако проглотил таблетку и запил водой.

Затем, примирившись с судьбой, проглотил таблетку с пурпурно-белыми полосами гнейа-Па - недавно созданный препарат для повышения обаяния, выпускаемый фабриками концерна "Фарбен". Далее последовали: маленький золотой шарик дармаоида - средство ограничения человеческого общения, производимое лабораториями Хайдарабада, затем тщательно рассчитанная по времени действия ампула лакримола в форме слезы и, наконец, капсула гипербендикс в виде фигурки волка - новейшее лекарство, повышающее психическую энергию.

- А теперь как ты себя чувствуешь? - спросил Джино.

- Как-нибудь справлюсь, - ответил Поллетти. Он наморщил лоб и взглянул на часы. Принятые лекарства начали действовать. Он вскочил со стула и бросился к гримировальному столику в углу домика. Там он снял костюм и натянул белую пластиковую тогу, повесил на шею копию барельефа Солнца индейцев майя, сделанную из металла, имитирующего бронзу, и надел белый кудрявый парик.

- Как я выгляжу? - бодро спросил он.

- Великолепно, Марчелло. Ты выглядишь просто великолепно, - ответил Джино. - Откровенно говоря, ты еще никогда не выглядел так хорошо.

- Это ты серьезно?

- Клянусь всем, что мне дорого в жизни, - привычно произнес Джино и посмотрел на часы. - Осталось меньше минуты! Иди, Марчелло, и потряси всех!

- Мне кажется, сегодня я произведу настоящую сенсацию, - заметил Марчелло и величественной поступью двинулся к двери.

Джино смотрел ему вслед, чувствуя, как у него перехватывает горло. Он знал, что видит перед собой настоящего бойца; кроме того, его беспокоили болезненные спазмы, предвещающие расстройство желудка.

Поллетти торжественно шествовал к своей аудитории. Его взгляд был спокоен, шаги неторопливы. Слышались нежные звуки "O Sole Mio", дополняющие атмосферу ожидания.

Перед трибунами стояла красная кафедра. К ней и направился Поллетти. Поднявшись на нее и поудобнее приладив микрофон, Поллетти с пафосом произнес:

- Сегодня, на закате дня, так похожего и так не похожего на другие дни, в хрупкой ладье, мы, смертные, путешествуем по бурным водам вечности и думаем о будущем...

Слушатели, загипнотизированные его словами, склонили головы. И вдруг Поллетти увидел, что с первого ряда ему улыбается Кэролайн. Он смешался, несколько раз моргнув, но сразу оправился и продолжал:

- Эти последние лучи умирающего, но бесконечно возрождающегося солнца приходят к нам с расстояния в сто сорок девять миллионов километров. О чем это говорит? Такое расстояние является божественным и непостижимым, неумолимым и одновременно иллюзорным, потому что разве можно предположить, что наш огненный отец не вернется к нам?

- Вернется, обязательно вернется! - послышался хор голосов. Поллетти печально улыбнулся.

- А когда он вернется, встретим ли мы его здесь, чтобы наслаждаться его животворным великолепием?

- Кто может сказать? - мгновенно откликнулась аудитория.

- Действительно, кто? - спросил Поллетти. - И все-таки нас утешает мысль, что наш дорогой отец не умер; нет, сейчас он мчится по собственной орбите к Лос-Анджелесу.

Солнце тонуло в морских волнах. Слушатели на трибуне плакали. Только несколько человек, которые всегда встречаются в такой толпе, спорили о различных аспектах доктрины солнечного круговорота. Казалось, проповедь произвела сильное впечатление даже на Кэролайн. Произнося заключительную часть проповеди на греческом языке, Поллетти тоже пустил слезу.

Уже совсем стемнело. Под радостные возгласы и проклятия Поллетти спустился с кафедры.

В темноте его вдруг схватила чья-то рука. Это оказалась Кэролайн. Ее лицо было мокрым от слез.

- Марчелло, это было так прекрасно! - воскликнула она.

- Пожалуй, действительно неплохо, - ответил Поллетти, все еще заливаясь слезами, - если тебе нравятся солнечные закаты.

- А тебе не нравятся?

- Не то чтобы очень, - пожал плечами Поллетти. - Мне приходится этим заниматься, ведь я проповедник.

- Но ты тоже плачешь! - воскликнула Кэролайн.

- Это реакция, вызванная медицинскими препаратами, - объяснил Поллетти и вытер глаза. - Скоро пройдет. В таком деле нужно

переживать вместе с клиентами, а это непросто, если не испытываешь аналогичных чувств. Впрочем, это всего лишь бизнес.

- Ну и как бизнес в сфере солнечных закатов? - спросила Кэролайн.

- Так себе. Раньше было куда лучше, - ответил Поллетти. - Но теперь... - Он замолчал и посмотрел на нее. - А почему ты спрашиваешь? Это связано с интервью или всего лишь праздное любопытство?

- Пожалуй, и то, и другое.

- Ты все еще хочешь провести свое исследование? - внезапно спросил Поллетти.

- Ну конечно, - отозвалась Кэролайн.

- Хорошо, я согласен, - ответил Поллетти. - За соответствующий гонорар, разумеется.

- Скажем, триста долларов, - предложила Кэролайн.

Поллетти недоуменно посмотрел на нее, повернулся и пошел к домику. Кэролайн последовала за ним.

- Пятьсот, - сказала она.

Поллетти продолжал идти. Кэролайн повысила цену до тысячи.

- Сколько времени на это потребуется?

- Час, от силы два.

- И когда?

- Завтра утром, в десять часов, в Колизее.

- Хорошо, - кивнул Поллетти. - По-моему, я свободен в это время.

Но мне следовало бы получить аванс.

Удивленная, Кэролайн открыла сумочку, достала новенькую хрустящую банкноту в пятьсот долларов и вручила Поллетти. Тот снял парик, расстегнул замок-"молнию" в подкладке и сунул туда деньги.

- Спасибо. Увидимся позже. - И Поллетти спокойно вошел в домик.

Глава 15

Поллетти переоделся и минут десять сидел, рассматривая правый указательный палец. Раньше он никогда не замечал, что указательный палец у него гораздо длиннее безымянного. Подобная асимметрия в другое время просто позабавила бы его, но на этот раз вызвала раздражение. Раздражение привело к депрессии, и ему вдруг стали мерещиться гильотины, топоры с зазубренными краями, кривые ятаганы, бритвенные лезвия с пятнами крови...

Он резко потряс головой, взял себя в руки, проглотил солидную дозу инфрадекса - лекарства, предназначенного для смягчения последствий приема наркотиков. И через несколько секунд Поллетти превратился в

прежнего унылого себя. Это привело его в равновесие, и он вышел из хижины почти спокойным.

И в темноте вдруг почувствовал, как что-то или кто-то коснулся его рукава. Молниеносно отреагировав, он стремительно обернулся, выполняя оборонительный маневр номер три, часть первую. Правой рукой он попытался выхватить из кобуры пистолет. Но в этот момент споткнулся о корень кипариса и так сильно грохнулся на землю, что порвал пиджак.

Вот и все, подумал Поллетти. Всего одно мгновение, потеря бдительности - и смерть, которую он ждал так долго, наступила так неожиданно! В этот ужасный момент, беспомощно распростершись на земле, Поллетти понял, что невозможно приготовиться к собственной смерти. Смерть опытна и коварна, она застает людей неожиданно и лишает самообладания.

Оставалось только умереть с достоинством. Поллетти вытер губы и жалко улыбнулся.

- Боже мой, - раздался голос Кэролайн, - я совсем не хотела напугать тебя. Ты не ушибся?

- Ничто не пострадало, кроме чувства собственного достоинства, - произнес Поллетти, вставая и отряхиваясь. - Тебе не следует неожиданно наталкиваться на жертву - может убить.

- Ты прав, пожалуй, - согласилась Кэролайн. - Если бы ты выхватил пистолет и не упал... Какой ты неуклюжий.

- Лишь в тех случаях, когда теряю равновесие, - улыбнулся Поллетти. - А почему ты здесь околачиваешься, а?

- Я не хочу объяснять, - ответила Кэролайн.

- Понятно, - с циничной улыбкой заметил Поллетти.

- Нет, совсем не по той причине, о которой ты подумал.

- Разумеется, - еще циничнее улыбнулся он.

- Мне просто хотелось поговорить с тобой. Поллетти кивнул и улыбнулся самым циничным образом, затем, поскольку ненавидел крайности в поведении, пожал плечами и равнодушно произнес:

- Хорошо, давай поговорим. Они пошли рядом по пляжу вдоль кромки воды. Небо на востоке стало сине-черным. На западе угасающее солнце спускалось в стальные волны Тирренского моря. В темном небе уже кое-где вспыхнули звезды.

- Смотри, какие прелестные звезды, - сказала Кэролайн с непривычной застенчивостью. - Особенно вон та, маленькая и странная, слева.

- Это альфа Цефея, - пояснил Поллетти. - Вообще-то это двойная звезда, и основная звезда в связке принадлежит к типу В, что соответствует температуре поверхности порядка пятнадцати тысяч

градусов. - Я этого не знала, - сказала Кэролайн, садясь на влажный песок.

- А вот у маленького спутника альфы Цефея, - продолжал Поллетти, - температура поверхности всего шесть тысяч градусов, плюс-минус несколько градусов. - Он сел рядом с девушкой.

- Мне это кажется почему-то печальным, - заметила Кэролайн.

- Да, пожалуй, - согласился Поллетти.

Он испытывал какое-то странное чувство. Может быть, потому, что звезда, которую он так уверенно назвал альфой Цефея, была на самом деле бетой Персея, известной также под названием Алгол, - звездой демонов, чье влияние осенью на людей с определенным темпераментом слишком хорошо известно.

- Звезды такие красивые, - задумчиво произнесла Кэролайн.

Подобное замечание Поллетти в другое время считал бы банальным, но сейчас оно показалось ему милым.

- Да, пожалуй, - согласился он. - Так приятно видеть их на небе каждую ночь... Послушай, мы пришли сюда не для того, чтобы беседовать о звездах. О чем ты хочешь поговорить со мной?

Кэролайн ответила не сразу. Она задумчиво смотрела на море. Длинная прядь светлых волос упала ей на щеку, смягчая точеные черты лица. Она мечтательно зачерпнула пригоршню песка, и тонкие песчаные струйки побежали между ее длинными пальцами. Законченный циник, Поллетти внезапно почувствовал какую-то странную боль, словно укол иглы, проникший в самую глубину его души. Почему-то вспомнились маленький домик с соломенной крышей в горах близ Перуджи и полная седая улыбающаяся женщина, стоящая у двери, вокруг которой вилась лоза, с глиняным кувшином в руке. Он видел мать только раз, на фотографии, которую прислал ему Витторио. Тогда это не произвело на него впечатления, но теперь...

Кэролайн повернулась к нему, и в ее огромных глазах отразился последний розовый отблеск умирающего солнца. Поллетти вздрогнул, несмотря на то, что температура воздуха и воды была семьдесят восемь градусов по Фаренгейту <Около 25° С.> и с юго-запада дул ласковый бриз со скоростью пять миль в час.

- Мне хочется узнать о тебе побольше, - произнесла Кэролайн.

Поллетти заставил себя рассмеяться.

- Обо мне? Я самый простой человек и прожил самую обычную жизнь.

- Расскажи о ней, - попросила Кэролайн.

- Мне нечего рассказывать, - ответил Поллетти.

И вдруг он заговорил о своем детстве и первом опыте в сексе и убийстве; о своей конфирмации; страстной любви к Лидии, поначалу

безмятежной и счастливой, но превращенной женитьбой в невыносимую скуку; о том, как он встретил Ольгу и стал жить с ней, как узнал, что ее странное поведение вызвано врожденной неустойчивостью характера, а не страстной независимостью, но было уже слишком поздно.

Кэролайн сразу поняла, что жизненный опыт принес Поллетти горечь и разочарование. Те радости, которые в юности казались ему редкими и недостижимыми, став доступными, превратились в бесконечную вереницу безотрадных и отчаянно скучных повторений. И тогда, увидев изнанку радужных надежд, он забрался в скорлупу мрачных переживаний. Печально, подумала она, но не безнадежно.

- Вот и все, больше нечего рассказывать, - как-то неловко закончил Поллетти.

Лишь теперь он понял, что болтал как чокнутый, как мальчишка. И тут же подумал, что это не имеет значения, что его не интересует мнение Кэролайн о Нем. Кэролайн молчала. Она повернула к нему лицо, такое таинственное в темноте, окруженное ореолом светлых волос. Ее черты, всегда казавшиеся классическими и холодными, сейчас были живыми и теплыми. Кэролайн поразительно красива, но в темноте она казалась еще более привлекательной.

Поллетти беспокойно пошевелился, вспомнив, что люди, утратившие иллюзии, часто легко поддаются зову романтики. Он закурил и сказал:

- Пошли отсюда. Может быть, сумеем найти местечко, где можно что-нибудь выпить.

Этой сухой прозаической фразой он хотел нарушить очарование вечера. Но этого не случилось, потому что Алгол все еще ярко сиял на южном небе.

- Марчелло, мне кажется, что я люблю тебя. - Голос Кэролайн был едва слышен в шуме прибоя.

- Не говори глупостей, - буркнул Поллетти, стараясь казаться равнодушным и скрывая за грубостью волнение.

- Я люблю тебя, - повторила она.

- Не валяй дурака, - сказал Поллетти. - Эта сцена на берегу очень романтична, но давай не будем заходить слишком далеко.

- Значит, ты тоже любишь меня?

- Это не имеет значения, - ответил Поллетти. - В данную минуту я могу сказать что угодно и даже поверить этому - но только на минуту. Кэролайн, любовь - это чудесная игра, которая начинается с веселья и счастья и заканчивается женитьбой.

- Разве это плохо?

- Судя по моему опыту, да, очень плохо, - отозвался Поллетти. - Семейная жизнь убивает любовь. Я никогда не женюсь на тебе, Кэролайн. Не только на тебе, а вообще. По-моему, весь институт брака является фарсом, пародией на человеческие отношения, злой шуткой с зеркалами, абсурдной ловушкой, в которую люди сами загоняют себя...

- Почему ты так много говоришь? - вдруг спросила Кэролайн.

- Я разговорчив по натуре, - ответил Поллетти. Внезапно ему захотелось обнять девушку. - Я так люблю тебя, Кэролайн, - сказал он. - Я обожаю тебя, несмотря на то, что мой внутренний голос предостерегает меня от этого.

Он поцеловал ее, сначала нежно, затем страстно. И тут понял, что действительно любит ее; это удивило его, наполнило бесконечной радостью и глубокой печалью. Он знал, что любовь - это отклонение от нормы, одна из форм временного безумия, непродолжительное состояние самовнушения.

Любовь представляет собой состояние, которого умные люди благоразумно стараются избегать. Но Поллетти никогда не считал себя особенно умным, да и благоразумие не относилось к числу его добродетелей. Он потакал себе во всех желаниях, что само по себе было своеобразной мудростью. По крайней мере он так думал.

Глава 16

В Колизее царил глубокая ночь. Она, словно водоросли, льнула к древним камням. Ее благоговейная целостность нарушалась светом дуговых ламп, установленных в несколько рядов. Внизу, на песке арены, впитавшем когда-то так много крови, полдюжины операторов хлопотали у своих кинокамер. Танцовщицы ансамбля "Рой Белл", расположившись на специально выстроенной сцене, отдыхали после репетиции и обсуждали животрепещущую проблему - как избежать сечения волос. Недалеко от них, в автобусе, набитом приборами и аппаратурой, сидел Мартин, в последний раз проверяя углы захвата съемочных камер. В этот новый командный пункт он перебрался из бального зала Борджиа. В зубах у Мартина была зажата тонкая черная сигарета. Время от времени он вытирал слезившиеся глаза.

Позади него у маленького столика сидел Чет. Он раскладывал пасьянс, что свидетельствовало о колоссальном нервном напряжении.

Коул сидел за спиной Чета. Свидетельством его колоссального нервного напряжения было то, что он беспокойно дремал в своем кресле. Внезапно он проснулся, потер глаза и спросил:

- Где она? Почему не поддерживает с нами связь?

- Успокойся, малыш, - произнес Мартин, не оборачиваясь.

Он уже в сотый раз проверял углы действия своих съемочных камер, и это свидетельствовало о нервном напряжении, ничуть не меньшем, чем у других, менее значительных людей.

- Но она уже давно должна была выйти на связь! - раздраженно сказал Коул. - Тебе не кажется...

- Мне ничего не кажется, - перебил его Мартин и велел камере номер три отодвинуться назад на полтора дюйма.

- Клади черную десятку на красного валета, - подсказал Чет Коул.

- Тебе не кажется, что не следует совать свой нос в мои дела? - заметил Чет ласково-зловеще.

- Успокойтесь, парни, - добродушно произнес Мартин.

Прирожденный руководитель, он инстинктивно чувствовал, когда следует ободрить подчиненных, а когда осадить. Спокойным голосом он распорядился наклонить камеру один на полтора градуса.

- Но ведь она должна была уже выйти на связь! - повторил Коул. - Она не докладывала о развитии событий с момента приезда на пляж поклонников солнечного заката. С тех пор прошло шесть или семь часов! Она не отвечает на вызовы. Что угодно могло с ней произойти, поверьте мне, что угодно! Вам не кажется...

- Возьми себя в руки, - холодно скомандовал Мартин.

- Извините, - пробормотал Коул, поднося дрожащие руки к бледному лицу и потирая глаза. - Это все из-за напряжения, ожидания... Со мной будет все в порядке. Я сразу приду в себя, как только начнется работа.

- Разумеется, малыш, - согласился Мартин, - на всех нас влияет ожидание, - и рявкнул в микрофон:

- Прекратите наклон, камера один, и поднимитесь ровно на полдюйма! И, черт побери, двигайтесь медленно!

- Красная двойка на черную тройку, - подсказал Коул Чет.

Чет не ответил. Он уже принял решение убить Коула сразу после того, как добьется увольнения Мартина. Кроме того, он решил убить мистера Фортинбраса и Кэролайн, а также своего шурина в Канзас-Сити, который без конца изводил его:

"Ну, как дела у создателя образов?". Кроме того, он решил...

Дверь автобуса открылась, и вошла Кэролайн.

- Здравствуйте, парни! - произнесла она приветливо.

- Здорово, малышка! - небрежно отозвался Мартин. - Как дела?

- Все прошло гладко, - ответила Кэролайн. - Я сразу раскусила его, поговорила с ним, и он согласился на телевизионное интервью утром.

- И никаких трудностей? - равнодушно поинтересовался Чет.

- Никаких. Он согласился почти без уговоров, с самого начала все шло по-деловому. Аванс - пятьсот долларов и пятьсот долларов утром перед началом съемки.

- Отлично, просто великолепно, - обрадовался Мартин.. - Но чем ты занималась после этого? Я хочу сказать, что прошло пять часов с момента, когда ты должна была выйти на связь, и мы, вполне естественно, беспокоились о тебе.

- Дело было так, - начала Кэролайн. - Я уже собиралась уходить, но решила познакомиться с ним поближе, поэтому и вернулась. Мы выпили по коктейлю, затем пошли на прелестный маленький пляж, сидели, разговаривали и смотрели на звезды.

- Очень хорошо, - улыбнулся Мартин. Угол его левого глаза начал подергиваться в нервном тике. - Какое у тебя создалось о нем впечатление после близкого знакомства, а?

- Он чудесный человек, - произнесла Кэролайн с мечтательным выражением на лице. - Видишь ли, он пытался расторгнуть свой брак в течение двенадцати лет, а тем временем жил с этой безумной Ольгой, а теперь, когда брак расторгнут, он не хочет жениться на Ольге.

- Очень интересно, - сказал Мартин.

- Между прочим, он не хочет больше ни с кем вступать в брак, - сообщила Кэролайн, - даже со мной.

Чет выпрямился так внезапно, что рассыпал карты.

- Что ты сказала? - спросил он.

- Я сказала, что это похоже на любовь, - ответила Кэролайн.

- Что значит "любовь"? - произнес Чет. - В твоём контракте четко и ясно сказано, что тебе запрещается влюбляться в кого бы то ни было во время подготовки и осуществления твоего десятого убийства. Более того, там особо оговорено, что тебе запрещается влюбляться в свою жертву.

- Любовь, - спокойно заметила Кэролайн, - существовала задолго до появления контрактов. - Зато контракты, - вмешался Мартин, не скрывая ярости, - обладают гораздо большей юридической силой, чем любовь. А теперь послушай, беби, ведь ты не собираешься подвести нас, правда?

- Нет, наверное, - покачала головой Кэролайн. - Он сказал, что тоже любит меня... Но если он не собирается на мне жениться, ему лучше умереть.

- Вот что значит сила воли! - одобрительно отозвался Мартин. - Только никогда больше не забывай об этом, ладно?

- Не забуду, можешь не беспокоиться, - холодно бросила Кэролайн. - Но тебе не кажется...

- Мне ничего не кажется, - сказал Мартин. - Послушай, давай немного поспим, чтобы к утру быть свежими и отдохнувшими. Согласна? Вот и хорошо.

Никто не возражал. Мартин отдал распоряжения, и дуговые лампы медленно погасли. Операторы и танцовщицы уехали. Мартин, Чет, Коул и Кэролайн разместились в "Роудраннере XXV", взятом Мартином напрокат, и отправились в отель.

Черная непроницаемая ночь нависла над Колизеем. Мрак пронизывали только редкие лучи рогатой луны, приближавшейся к полнолунию, которые проникали сквозь облака. Из древних камней сочилась тишина, и ощущение неминуемой смерти окутывало арену, которое будто поднималось от песка, давным-давно пропитанного кровью гладиаторов. Из сводчатого прохода вышел Поллетти. Его лицо было суровым. Следом шел Джино.

- Ну? - спросил Поллетти.

- Все ясно, - ответил Джино. - Она - твой охотник. В этом нет сомнений.

- Разумеется. Я убедился в этом, когда она шла за мной к морю. Убийство перед телевизионными камерами!.. Какая реклама! Очень по-американски.

- Я слышал, что так поступают теперь и в Милане, - заметил Джино.

- И, конечно, немецкие охотники, особенно в Руре...

- Знаешь, что она сказала мне сегодня? - спросил Поллетти. - Она сказала, что любит меня. А сама все время думала о моем убийстве.

- Женское вероломство общеизвестно, - сказал Джино. - А что ты сказал ей?

- Я ответил, что тоже люблю ее, - ответил Поллетти.

- А ты случайно не любишь ее на самом деле?

Поллетти задумался.

- Тебе это может показаться странным, но она действительно очень мила. Хорошо воспитанная девушка, очень застенчивая.

- Она убила девять человек, - напомнил ему Джино.

- Стоит ли винить ее в этом? Такие нынче времена.

- Может быть, ты и прав, - согласился Джино. - Но что ты собираешься предпринять, Марчелло?

- Попробую осуществить контрубийство, в точности, как запланировал, - ответил Поллетти. - Интересно, удалось ли Витторио организовать рекламу?

- У него было очень мало времени, - покачал головой Джино.

- Ничего не поделаешь. Думаю, он сумеет отыскать одного-двух спонсоров. - Да, ему, наверное, что-то все-таки удастся сделать, - согласился Джино. - Но послушай, Марчелло, а вдруг она догадается,

что тебе все известно? Ее поддерживает крупная организация, богатая и могущественная... Может быть, стоит убить ее при первой возможности и не рисковать?

Поллетти достал из кармана пиджака револьвер, проверил патроны и сунул обратно.

- Не беспокойся, - сказал он. - Завтра в девять утра она придет ко мне для репетиции. Как ты думаешь, она подозревает меня?

- Не знаю, - пожал плечами Джино. - Мне известно лишь одно: женское вероломство безмерно.

- Ты уже говорил это. Но мужское вероломство ничуть не уступает женскому. Все будет именно так, как я запланировал. Очень жаль, что она такая милая.

- Женская прелесть, - заявил Джино, - как раз скрывает за собой вероломство.

- Пожалуй, - кивнул Поллетти. - Как бы то ни было, я возвращусь. Мне нужно выспаться. А ты позаботься, чтобы Витторио ничего не напутал с подготовкой.

- Ладно, - ответил Джино. - Спокойной ночи, Марчелло, - и желаю удачи.

- Спокойной ночи, - ответил Марчелло. Они расстались. Марчелло сел в машину и поехал обратно на пляж, а Джино направился к ближайшему ночному кафе.

Наконец Колизей опустел. Луна скрылась за облаками, стало совсем темно. Спустился белый туман, и на песчаной арене, казалось, появились призрачные тени, души погибших гладиаторов. Над пустыми трибунами носился ветер. В его порывах слышались приглушенные голоса: "Убей его!"

Наконец сквозь неясный мрак на востоке стал проступать утренний свет. Начался новый неведомый день.

Глава 17

Марчелло крепко спал в сборном домике. Он не услышал, как дверь медленно, с тихим скрипом, приоткрылась. Не увидел он и длинный, странной формы ствол, просунувшийся в приоткрытую щель и направленный ему в лицо. Послышалось шипение, из дула вырвалась едва видимая струя газа - и сон Поллетти стал еще глубже.

Прошло несколько секунд, и в домик вошла Кэролайн. Она коснулась плеча Поллетти, потом потрясла его. Поллетти продолжал спать. Кэролайн подошла к открытой двери и сделала кому-то знак, после чего вернулась к кровати и села рядом со спящим.

Вдруг домик начал раскачиваться, словно утратил под собой опору и повис в воздухе. Он резко наклонился в сторону, и Кэролайн пришлось придержать Поллетти, чтобы тот не упал на пол. Через несколько секунд тряска прекратилась.

Поллетти продолжал спать. Кэролайн приоткрыла дверь и выглянула. Мимо проносились улицы Рима. Она бы удивилась, если бы не знала, что домик, вместе с ней и Поллетти, стоит в кузове грузовика, который Мартин ведет к Колизею. Часы показывали восемь часов сорок шесть минут.

Спустя полчаса Поллетти зашевелился, протер глаза и сел.

- Сколько времени? - спросил он у Кэролайн.

- Двадцать две минуты десятого, - ответила она.

- Боюсь, что я проспал.

- Это не имеет значения.

- Но у нас еще есть время для подготовки? - спросил Поллетти.

- Думаю, мы справимся и без нее, - сообщила Кэролайн.

Ее лицо было непроницаемым, и говорила она спокойно, без всяких эмоций. Отвернувшись от собеседника, она достала крошечный туалетный прибор и занялась своей внешностью. Поллетти зевнул и протянул руку к телефону. И вдруг увидел, что провода перерезаны. Кэролайн следила за ним в зеркальце пудреницы. Поллетти потянулся, стараясь казаться совершенно спокойным, и достал из кармана пиджака, висевшего на спинке стула, сигареты и спички. При этом он незаметно провел рукой по нагрудному карману. Револьвера на месте не было.

Закурив, Поллетти ласково улыбнулся Кэролайн. Не получив ответа, он улегся на кровать и глубоко затаился. Потом он опустил руку и нашел на полу свою маленькую электронную обезьянку. Какое-то время он машинально гладил ее, размышляя, затем быстро встал, надел брюки и спортивную рубашку, снова лег на кровать и взял на руки обезьянку.

Кэролайн так и не повернулась к нему. Она следила за его движениями в зеркальце.

Поллетти вытянулся на кровати.

- Знаешь, о чем я сейчас думаю? - спросил он. - Мне пришла в голову мысль: почему бы нам с тобой не поехать куда-нибудь? Только ты и я. Мы могли бы отлично жить вдвоем, Кэролайн. Могли бы даже пожениться, если бы ты захотела.

Кэролайн захлопнула пудреницу и повернулась. Она держала палец на замочке пудреницы, словно на спусковом крючке. Это, несомненно, пистолет, подумал Поллетти. Сейчас трудно найти что-нибудь, не являющееся пистолетом.

- Тебе неинтересно мое предложение? - спросил он.

- Я не в восторге от твоей лжи, - ответила Кэролайн.

Поллетти кивнул, продолжая играть с обезьянкой.

- Да, - согласился он, - я слишком часто лгал в жизни. И не потому, что любил обманывать, уверяю тебя, просто этого требовали обстоятельства. Но с тобой, Кэролайн, я хочу быть честным. Я могу говорить правду, все еще могу. Может быть, мне даже удастся доказать свою искренность.

Кэролайн покачала головой.

- Слишком поздно.

- Отнюдь нет, - возразил Поллетти. - У меня есть друзья, готовые поручиться за меня. Например, - он показал электронную обезьянку, - ты еще не познакомилась с Томмасо?

- Это именно тот свидетель, который может поручиться за тебя? - спросила Кэролайн.

- Томмасо - очень искренний маленький зверь, - сказал Поллетти.

Он поставил обезьянку на пол. Электронный зверек тут же попытался вскарабкаться по ее ноге.

- Твой Томмасо не интересуется меня.

- Ты несправедлива к нему. Посмотри, какой он ласковый. Мне кажется, ты ему нравишься. Томмасо очень разборчив в выборе друзей.

Кэролайн улыбнулась, подняла обезьянку и посадила себе на колени.

- Погладь его, - попросил Поллетти. - И потрогай за нос. Ему это очень приятно.

Кэролайн погладила электронного зверька и осторожно тронула его носик.

Внезапно животное перестало двигаться. В следующее мгновение на его груди открылась панель, за которой скрывалось дуло крупнокалиберного револьвера.

- Ты знал об этом? - спросила Кэролайн.

- Конечно, - улыбнулся Поллетти. - Я знаю и еще кое-что: ты мой охотник.

Кэролайн застыла и, не мигая, уставилась на Поллетти.

- Это доказательство моей искренности. То, что я показал тебе, где спрятан револьвер, доказывает, что я честен с тобой... что я не хочу убивать тебя.

Кэролайн закусила губу и крепко стиснула револьвер внутри электронной обезьянки.

В это мгновение стены домика затряслись, отделились от пола и стали подниматься вверх. Кэролайн даже не пожелала взглянуть на необычное зрелище. Ее пристальный взгляд был по-прежнему устремлен на Поллетти. А тот с нескрываемым интересом следил, как стены взмывают в воздух и за ними открывается вид на древние развалины.

- Это потрясающе, Кэролайн, - произнес он. - Просто здорово.

Верхняя часть домика взлетела куда-то вверх. Подняв голову, Поллетти увидел, что стены на прочном тросе "найлорекс" уносит в небо вертолет, окрашенный в красный, белый и светло-коричневый цвета компании "Телеплекс Ампуорк".

Операторы в бейсбольных шапочках нацелили на Марчелло свои камеры, над головой повисли микрофоны, словно связка бананов. Танцовщицы "Рой Белл" получили команду приготовиться. Красные огоньки аппаратуры мигали, словно злобные глаза циклопов. Раздавался голос Мартина, отдававшего распоряжения на таком техническом жаргоне, что один Чет понимал его и переводил тем, кому они были адресованы.

Поллетти восторженно наблюдал за этим зрелищем, не веря своим глазам. Он повернулся к Кэролайн и легкомысленно поинтересовался:

- Мне не следует сказать несколько слов в микрофон?

Кэролайн мрачно взглянула на него. Ее глаза были похожи на молочное вулканическое стекло.

- Тебе следует лишь умереть!

Револьвер в ее руке был направлен прямо на Поллетти. Это был тот самый револьвер, который Кэролайн вытащила из кармана пиджака Поллетти, пока он спал.

Оркестр - а для такого случая был специально приглашен Загребский филармонический оркестр - заиграл зловещий пасодобль. Танцовщицы прекратили дискуссию о лаке для волос и закружились в отчаянном танце. Камеры двигались вперед и назад на длинных операторских кранах, похожие на гигантских жуков-богомолов. Последовала новая команда. Из-за полуразрушенной арки служитель выкатил маленький столик на колесах, на котором стояли чайник и чашка. То и другое выглядело самым обыкновенным, кроме искусственного пара, поднимающегося из чашки. У арены служитель столкнулся со стройной темноволосой элегантной молодой женщиной, изящно, хотя и чуть броско одетой, с большими черными глазами, светившимися как у волка, внезапно освещенного ярким фонарем в темноте.

- Типичный параноидальный шизофреник, одержимый манией убийства, с едва уловимыми кошачьими манерами, - пробормотал служитель.

Этой женщиной была Ольга. Диагноз, поставленный Ольге служителем, был удивительно точен.

- Чай! - воскликнул Поллетти, когда служитель подкатил к нему столик. - Мне что, нужно его выпить?

- Это она будет его пить, - прошептал служитель. - А ты стой рядом, постарайся умереть, как подобает, и не умничай.

Он повернулся и ушел; служитель был большим профессионалом в своей области и не выносил легкомысленных шуток.

"Потрясающий чай дяди Минга! - раздался громоподобный голос диктора с другой стороны Колизея. - Дамы и господа! Потрясающий чай дяди Минга является единственным чаем, который обожает вас и готов вступить с вами в брак и воспитывать маленькие пакетики чая - если дядя Минг согласится".

Поллетти рассмеялся. Он не слышал этой рекламы, которая в прошлом году завоевала тройной золотой приз рекламного совета за благопристойность, вкус, остроумие, оригинальность и массу прочих достоинств. - Что так развеселило тебя, Марчелло? - прошипела Кэролайн, словно гадюка с Центрального Борнео.

- Здесь все так забавно, - ответил Поллетти. - Я говорю, что люблю тебя, что хочу на тебе жениться, а ты собираешься меня убить. Неужели тебе это не кажется смешным?

- Кажется, - кивнула Кэролайн, - если ты не обманываешь.

- Нет, конечно, - произнес Поллетти, - но пусть это тебе не мешает.

"...И вот из глубин своей мучительной, безнадежной любви потрясающий чай дяди Минга взывает к вам: "Пей меня, мистер Потребитель, пей меня, пей меня, пей меня!" - закончил диктор. Он замолчал, стало тихо, через несколько секунд раздалась записанные на пленку неуверенные хлопки, и, наконец, разразилась единодушная овация, также записанная на пленку.

- Две горсти до приводнения! - объявил Мартин.

- Осталось десять секунд, - перевел Чет. - Девять, восемь, семь...

Кэролайн застыла как изваяние, и только едва заметное дрожание руки, сжимавшей оружие, выдавало ее волнение.

...Шесть, пять, четыре...

Поллетти стоял, спокойно улыбаясь, словно находил забавным то, что по непонятным причинам оказался главным действующим лицом чужой человеческой драмы. Его лицо выражало одновременно не свойственное ему терпение и врожденное достоинство, несмотря на то, что застрявший в зубах кусочек телятины ужасно действовал ему на нервы.

...Три, два, один. Огонь!

Кэролайн вздрогнула всем телом и медленно, словно сомнамбула, подняла револьвер. Дуло смотрело прямо в лоб Поллетти. Палец Кэролайн застыл на спусковом крючке.

- Приводнение! Приводнение! - завопил Мартин.

- Огонь! Огонь! - закричал Чет.

- Осуществить немедленно! - взревел Мартин.

- Стреляй сейчас же! - подхватил Чет. Но ничего не изменилось.

Напряжение, царившее на арене, не поддавалось описанию.

Впечатлительный молодой Коул упал в обморок; у Чета вдруг схватило судорогой бицепс, трицепс и боковой разгибатель правой руки; даже Мартин, закаленный профессионал, почувствовал резкую боль в горле, что было признаком начала жестокой изжоги.

Ждали режиссеры и операторы, танцовщицы ансамбля "Рой Белл" и музыканты Загребского филармонического оркестра; ждала и огромная телевизионная аудитория во всем мире, кроме тех неисправимых, кто отправился на кухню за банкой пива. Ждал Поллетти, а растерянная Кэролайн обнаружила, что ждет своих собственных действий.

Трудно сказать, как долго продлилась бы эта сцена, если бы внезапно в ситуацию не вмешался неожиданный элемент. Из-под арки выбежала Ольга, пробралась сквозь толпу обеспокоенных киношников, вспрыгнула на пол домика и выхватила у Кэролайн револьвер.

- Итак, Марчелло, - сказала она, - я снова застала тебя с другой женщиной!

Ответить на это безумное обвинение было нечего, к тому же в нем - как это часто бывает у душевнобольных - была доля правды.

- Ольга! - воскликнул Поллетти, не зная, что сказать.

- Я двенадцать лет ждала! - взвизгнула Ольга. - А ты так поступаешь со мной! - И она направила дуло револьвера прямо ему в лоб.

- Пожалуйста, Ольга, не стреляй! - взмолился Поллетти. - Ты пожалеешь, если выстрелишь. Давай поговорим спокойно.

- Я уже говорила сегодня - с Лидией! - заявила Ольга. - Твоя бывшая жена призналась, что документы о разводе оформлены - не сегодня, не вчера, а три дня назад!

- Да знаю я, знаю, - ответил Поллетти. - Но позволь мне объяснить...

- Потом объяснишь! - воскликнула Ольга и нажала на спусковой крючок.

Грохнул револьверный выстрел. Ольга замерла, потом покачнулась, поднесла слабеющую руку к груди, недоумевающе посмотрела на окровавленные пальцы, упала на землю и замерла, как птеродактиль за стеклом музея.

- Это трудно будет объяснить, - пробормотал Поллетти.

Кэролайн села на кровать и схватилась руками за голову. Коул пришел в себя и с гордостью подумал: "Смотри-ка, я и впрямь потерял сознание". Чет запустил в эфир программу "Величайшее телешоу 1999 года" с участием Ле Мар де Вил-ля, Роджера и Лэсси.

К домику подошел Мартин и все понял с первого взгляда.

- Что здесь происходит? - спросил он.

Откуда-то взялся полицейский, который не сумел разобраться в происшедшем с первого взгляда, и спросил:

- Кто здесь охотник?

- Я, - сказала Кэролайн и, не поднимая головы, протянула свое удостоверение.

- А жертва?

- Я, - ответил Поллетти, также протягивая свое удостоверение.

- Значит, эта мертвая женщина не имеет отношения к Охоте?

- Не имеет, - подтвердил Поллетти.

- В таком случае почему вы убили ее?

- Я? Я никого не убивал, - возразил Поллетти. Он наклонился и поднял револьвер. - Смотрите! - Он показал полицейскому небольшое отверстие под курком.

- Ну и что?

- Это отверстие и есть настоящее дуло револьвера, - объяснил Поллетти. - Револьвер стреляет не вперед, а назад, понимаете? Это мое изобретение. Я сам сконструировал эту штуку.

Кэролайн вскочила. Ее глаза метали молнии.

- Ах ты скотина! - воскликнула она. - Ты подстроил, чтобы я забрала револьвер из твоего пиджака! Ты подбросил его мне, чтобы я убила себя!

- Только в том случае, если бы ты попыталась убить меня, - напомнил Поллетти.

- Болтун! - выкрикнула Кэролайн. - Да разве я могу верить тому, что ты говорил мне?

- Давай обсудим это позже, - предложил Поллетти. - Милая, все это легко объяснить...

- Сначала вы объясните все мне, - прервал его полицейский, - а потом будете оскорблять эту молодую леди. - Он галантно улыбнулся Кэролайн, взглянувшей на него с раздражением. - Но сначала я сообщу о происшедшем в участок. - Он отстегнул от пояса портативную рацию. - А потом выслушаю ваши объяснения.

Но ему так и не удалось осуществить свои намерения, поскольку началось светопреставление, и полицейскому пришлось приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы видимость порядка.

Первыми в Колизей прорвались туристы, сломив сопротивление охраны. Они были настроены решительно и во что бы то ни стало желали увидеть, что происходит, и сделать снимки на память. Следом откуда ни возьмись появились несколько десятков адвокатов и сразу стали угрожать судебным преследованием Поллетти, Кэролайн, компании "Телеплекс Ампуорк", Мартину. Чету, танцовщицам ансамбля "Рой Белл", Коулу, римской полиции и всем остальным участникам события. Наконец прибыли шесть представителей "Хант Интернэшнл" - компании, организующей Охоту. Они потребовали немедленного ареста Кэролайн и Поллетти, обвиняя их в незаконном отказе от убийства.

- Ну хорошо, хорошо, - бормотал полицейский, окончательно сбитый с толку. - Сначала самое важное. Я арестую так называемого охотника и так называемую жертву. Где они?

- Они были здесь всего пару секунд назад, - произнес Коул. - А вы знаете, я действительно потерял сознание.

- Но где они сейчас? - спросил полицейский. - Почему никто не следил за ними? Быстро перекрыть все выходы! Они не могли далеко уйти!

- А почему они не могли далеко уйти? - поинтересовался Коул.

- Не путайте меня! - рявкнул полицейский. - Скоро выясним, далеко ли они убежали.

И скоро - но не очень скоро - он это выяснил.

Глава 18

Управляемый умелыми руками Кэролайн, маленький вертолет, до этого незаметно стоявший в углу огромной арены Колизея, рядом с аркой Траяна, летел высоко над Римом. Желто-серый овал Колизея остался позади. Узкие извилистые улицы Вечного города уступили место пригородам, затем внизу показались деревни. Наконец и они остались позади.

- Ты великолепна! - заявил Поллетти. - Скажи, ты задумала все это с самого начала, верно?

- Разумеется, - ответила Кэролайн. - Это показалось мне разумной предосторожностью на случай, если ты действительно говорил правду.

- Милая, ты не представляешь, как я тобой восхищен! - воскликнул Поллетти. - Ты спасла нас обоих от смерти и суда, и теперь мы летим в великолепном воздушном пространстве к девственной природе, где нет электрических бритв и холодильников...

Он посмотрел вниз и увидел, что вертолет начинает снижаться над унылой, пустынной местностью.

- Скажи, мое сокровище, нас еще что-то ожидает? - спросил Поллетти.

Кэролайн весело кивнула и умело посадила вертолет на полянку у подножия горы.

- Главным образом вот это. - Она обняла Поллетти и поцеловала его с энтузиазмом и страстью, которыми отличались многие ее поступки.

- М-м-м, - пробормотал Поллетти. Внезапно он поднял голову и прислушался. - Странно...

- Что странно? - спросила Кэролайн.

- Должно быть, слышалось... Как будто звон церковных колоколов. Кэролайн отвела взгляд в сторону с забавным намеком на кокетство, характерным даже для самых простых ее жестов. - Да, звон колоколов! - воскликнул Поллетти. - Вот, снова!

- Пошли посмотрим, - предложила Кэролайн.

Они выбрались из вертолета и, держась за руки, обогнули выступающую скалу. Ярдах в двадцати под нависающим гранитным утесом стояла маленькая церковка. В дверях церкви виднелась черная фигура священника. Он улыбнулся и приветливо махнул рукой.

- Как интересно! - Кэролайн потянула Поллетти за руку.

- Очаровательно, потрясающе, необычно, - отозвался Поллетти. В его голосе было меньше энтузиазма, чем раньше. - Да, интересно, - добавил он более уверенным тоном, - но вряд ли заслуживает доверия.

- Пошли-пошли, - сказала Кэролайн. Они вошли в церковь и приблизились к алтарю. Девушка встала перед священником на колени, после недолгого колебания Поллетти последовал ее примеру. Откуда-то слышалась органная музыка. Священник просиял и начал церемонию.

- Согласна ли ты, Кэролайн, взять этого мужчину, Марчелло, себе в мужья?

- Да, - пылко ответила Кэролайн.

- А ты, Марчелло, согласен взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены?

- Нет, - убежденно отозвался Поллетти. Священник опустил Библию. Поллетти увидел, что он заложил нужную страницу дулом автоматического "кольца" сорок пятого калибра.

- Согласен ли ты, Марчелло, взять эту женщину, Кэролайн, себе в жены? - повторил святой отец.

- Да... пожалуй, - ответил Поллетти. - Я хотел лишь подождать несколько дней, чтобы на церемонии могли присутствовать мои родители, - Мы еще раз устроим венчание для твоих родителей, - заявила Кэролайн.

- Ego conjugo vos in matrimonio... <Соединяю вас в браке... (лат.).> - начал священник.

Кэролайн быстро подала Поллетти кольцо, и они обменялись кольцами в классической старинной церемонии, которая всегда казалась Поллетти такой трогательной.

За стеной стонал и жаловался ветер пустыни; Поллетти молчал и улыбался.

32

<http://book.zehinli.info>

33